

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ И ПРОЦЕСС ИХ РЕАБИЛИТАЦИИ В СССР

Подавляющее большинство депортированных имели статус «спецпоселенцев», подразумевающий их жесткую административную привязанность в местах нового жительства к сети так называемых «спецкомендатур», число которых, по состоянию на апрель 1949 года, составляло 2679¹. При этом планировалось, что на одну комендатуру будет приходиться в среднем 700 семей².

8 января 1945 года СНК принял два важных постановления «Положение о спецкомендатурах НКВД» и «О правовом положении спецпереселенцев», значительно смягчавшие режим проживания спецпереселенцев. Им возвращалась часть гражданских прав, кроме, разумеется, свободы проживания и перемещения: предписывалось подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур, в трехдневный срок информировать их о любых переменах в составе семьи и возбранялось отлучаться из зоны компетенции своей спецкомендатуры без ее разрешения (отлучка приравнивалась к побегу и преследовалась уголовно)³. 28 июля 1945 года вышло постановление «О льготах спецпереселенцам», касавшееся главным образом сельскохозяйственного налогообложения.

В январе 1946 года начались снятия с учета спецпоселений этнических континентов. Первыми сняли с учета финнов, депортированных в Якутскую АССР, Красноярский край и Иркутскую обл. Там их, собственно, и оставили, но уже не на поселение, а на жительство⁴.

Многие предпочитали бежать: так, до 1947 года зафиксировано 24 324 беглых, из них задержано было всего 9917 чел., то есть менее половины⁵. Согласно другим данным (на 1 октября 1948 года), из 2 104 751 чел., находившихся на этот момент на спецпоселении, побег совершили 77 541 чел., из них 20 955 чел. так и находились в бегах. Больше всего беглецов приходилось на немцев (22 235 чел.), но в относительном выражении это составляло всего 2,2% от общей численности — против 3,5%

¹ Бугай, Гонов, 1998, с. 242.

² См. в обнаруженном А. С. Хунаговым «рабочем плане» по переселению, датированном еще сентябрем 1943 (Бугай, Гонов, 1998, с. 230). Интересно, что личный состав комендатур наполовину предполагалось укомплектовывать представителями самих депортированных народов.

³ Зайцев, 1993, с. 113–114. На месте комендант был вправе накладывать на спецпереселенца наказания в виде штрафа до 10 руб. или ареста до 5 суток.

⁴ См. об этом в докладной записке от 17.01.1946 (ГАРФ, Ф. 9401, оп. 1, д. 2410, л. 178).

⁵ Бугай, Гонов, 1998, с. 237.

у выселенных из Северного Кавказа, 4,4% — из Крыма, 9,3% — у «власовцев» и даже 13,4% — у «оуновцев»!⁶

Датированным 24 ноября 1948 года Постановлением СНК «О выселенцах» меры наказания за побег были значительно ужесточены⁷. В спецкомендатурах налаживался посемейный и индивидуальный учет спецпереселенцев, а в Якутской АССР и в Красноярском крае было создано несколько режимных поселений для тех из них, кто, по сведениям оперативников, отличался повышенной склонностью к побегу. В местах их прежнего проживания денно и ночью работали специальные инспекции и оперативно-розыскные отряды МВД, выявлявшие беглецов в конечных точках их маршрутов — на родине⁸.

Но по-настоящему **черными** для спецпоселенцев днями стали те, когда им под расписку объявляли Указы ПВС от 26 ноября 1948 и от 9 октября 1951 года, суть которых сводилась к тому, что на спецпоселении они оставляются **навечно**, без права возврата к прежним местам жительства. За побег предусматривалось уже не 8, а 20 лет, да к тому же не тюрьмы, а каторги⁹.

Кроме семи тотально депортированных народов указ 1948 года распространялся также и на крымских греков, болгар и армян, турок-месхетинцев, курдов и хемшилов, а также на высланных в 1949 году из Прибалтики. Все эти категории получили новое статусное наименование **«выселенцы»**: с каждого выселенца сотрудник МВД брал расписку об ознакомлении с этим указом.

Из 2,3 млн. чел., находившихся в это время на спецпоселении, к категории «выселенцев» относилось более 1,8 млн., или 80%¹⁰. Для «власовцев» и всех прочих спецпоселенцев, занятых на стройках и не подпадающих под указ о вечном поселении, своеобразным «подарком» стало их прикрепление к этим стройкам до момента окончания промышленного и капитального строительства на объектах¹¹. К тому же после 11 марта 1952 года состав спецконтингента пополнился за счет тех представителей репрессированных этнических и социальных групп, которые до сих пор отбывали свое наказание в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа¹².

Просвет в сталинской «вечности» образовался только после смерти «отца народов». В середине 1950-х гг. последовала серия указов ПВС о снятии ограничений в правовом положении с депортированных спецпоселенцев (впрочем, с замечательной формулировкой: *«поскольку эти ограничения в дальнейшем не вызываются необходимостью»*), что свидетельствует о твердой убежденности государства в правоте и правомочности своих предшествующих действий).

⁶ Рассчитано по: Бугай, Гонов, 1998, с. 241, со ссылкой на «Справку о борьбе с побегами спецпереселенцев с момента их расселения» (ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 31445, л. 20).

⁷ Бугай, Гонов, 1998, с. 235. В частности, на них было распространено ПСМ № 1481-730 от 03.06.1948, предусматривавшее за побег до 8 лет лишения свободы.

⁸ Бугай, Гонов, 1998, с. 238–241.

⁹ Бугай, Гонов, 1998, с. 236.

¹⁰ Земсков, 1990а, с. 9–10.

¹¹ Зайцев, 1993, с. 125.

¹² Бугай, Гонов, 1998, с. 236.

Первое реальное послабление принес с собой 1954 год: 5 июля СМ принял Постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». В нем отмечалось, что в результате дальнейшего упрочения советской власти и включения основной массы спецпоселенцев, трудоустроенных в промышленности и сельском хозяйстве, в хозяйственную и культурную жизнь районов их нового проживания, необходимость в применении к ним правовых ограничений отпала. Нет, формально с учета по спецпоселениям их еще не сняли, но обязанность являться на регистрацию в комендатуру каждые три дня отпала, замененная символическим одним разом в год. Дети спецпоселенцев, не достигшие 16-летнего возраста, а также достигшие, но принятые или направленные на учебу, освобождались от спецпоселения и формально. Оставшиеся же на спецпоселении получили право проживания и перемещения внутри своей области, а по служебным командировкам — и внутри всей страны. Впрочем, постановление это распространялось не на всех: вне сферы его действительности оставались осужденные за особо опасные преступления и отправленные в ссылку после отбытия наказания, нарушители режима и общественного порядка, а также украинские националисты, бандиты, бандпособники и члены их семей, высланные в 1944–1952 гг. из западных областей Украины и Белоруссии и из республик Прибалтики, «кандерсовцы», высланные в 1951 году из Литвы и западных областей Украины и Белоруссии и почему-то иеговисты (из тех же республик Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии и Молдавии¹³).

13 августа 1954 года последовало другое важное Постановление СМ «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков, с немцев, взятых на учет по месту жительства, и с немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, которые выселению не подвергались»¹⁴. Кулаки, высланные еще в 1929–1933 гг., признавались прочно обосновавшимися в местах нового жительства, как и не подвергнутые депортациям **немцы** контингентов «местные» и «мобилизованные» (трудоармейцы). Иными словами, вывод из спецпоселения логически начался с тех, кто находился на нем дольше других (а иные из кулаков — вот уже четверть века!), а также с тех, кого при этом никуда не переселяли. Коснулось это тогда в общей сложности примерно 118 тыс. чел.¹⁵

Два следующих решения СМ были приняты в 1955 году — «О выдаче спецпоселенцам паспортов» (10 марта) и «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» (24 ноября). 17 сентября 1955 года вышел знаменитый Указ ПВС «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Первое постановление, специально касающееся исключительно «наказанного народа» (если не считать финнов), также датируется 1955 годом: то был Указ ПВС от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»¹⁶.

¹³ Зайцев, 1993, с. 126–127.

¹⁴ Зайцев, 1993, с. 127–128.

¹⁵ Бугай, 1995, с. 260.

¹⁶ Ему, правда, предшествовали решения о снятии с учета спецпоселения детей граждан немецкой национальности (5.07.1954) и о призыве их на военную службу (23.08.1955), а также о снятии

А дальше, в 1956 году, Указы ПВС о снятии ограничений выходили буквально один за другим: 17 января — по полякам, высланным в 1936 году; 17 марта — по калмыкам, 27 марта — по грекам, болгарам и армянам; 18 апреля — по крымским татарам, балкарцам, туркам-месхетинцам, курдам и хемшилам, 16 июля — по чеченцам, ингушам и карачаевцам (впрочем, все — без права возвращения на родину). Видимо, в этот же ряд стоит поставить и Указ от 10 марта 1956 года об отмене Указа от 12 февраля 1948 года, запретивший административную высылку и разрешивший отбывшим наказание прибалтийским «националистам» направиться на спецпоселение и воссоединиться с находящимися там семьями¹⁷. Интересно, что волна этих указов началась не после, а до произнесения Хрущевым его знаменитой «секретной» речи на XX съезде КПСС (24–25 февраля 1956 года).

9 января 1957 года пяти из тотально репрессированных народов, ранее имевших свою государственность, была возвращена их автономия, но двум — немцам и крымским татарам — нет (не произошло этого и сегодня)¹⁸.

Но от снятия поражения в правах до восстановления и реализации этих прав предстояло еще пройти солидный путь: ни обязательного возвращения имущества, конфискованного при выселении, ни автоматической возможности возвращаться в места и дома, откуда произошло выселение, указы не предусматривали, а некоторые из «ограничений» фактически действовали еще в начале 1990-х гг.

В силу этого, перефразируя слог чекистов, ход процесса реабилитации принудительных мигрантов, как он протекал в СССР и протекает еще по сей день в России и других странах СНГ, признать удовлетворительным — не представляется возможным.

Географические особенности расселения депортированных народов в местах высылки

Под конец 1945 года на спецпоселении находилось 967 085 семей, или 2 342 506 чел.¹⁹ Общее число спецпоселенцев (включая ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных) за 1938–1945 гг. возросло в 2,2 раза — главным образом за счет представителей «наказанных народов», распределенных преимущественно между республиками Средней Азии и Казахстаном, для которых зафиксировано 6–9-кратное умножение числа таких «новоселов». Их суммарное число достигло 2,2 млн. чел., перевалив тем самым за 1-процентный рубеж, а в 1950 году их доля приблизилась к 1,5% (1,47%).

Динамику этого «контингента» и их региональное распределение см. в табл. 9²⁰ и на рис. 6:

ограничений по спецпоселению с немцев — членов и кандидатов в члены КПСС и членов их семей (9.05.1955). См.: Бугай, 1995, с. 260.

¹⁷ См.: Зайцев, 1993, с. 119, 121–122.

¹⁸ Вместо этого имела место более поздняя серия постановлений в середине 1960-х, начале 1970-х и в конце 1980-х гг. с разъяснениями по вопросам восстановления в правах.

¹⁹ Бугай, 1995, с. 220.

²⁰ Даты, по которым имеются аналогичные сведения: 1.04.1945, т. е. перед самым концом войны; 1.01.1953, т. е. на гребне новой волны сталинских репрессий, остановленной лишь его скорой

Таблица 9. Распределение спецпоселенцев по регионам (1938, 1945, 1953 и 1958; тыс. чел.)

Регионы	1938	1945	1950	1953	1958	1945 к 1938	1953 к 1945	1958 к 1953
Урал	244,3	238,0	264,3	236,6	9,7	0,97	0,99	0,04
Западная Сибирь	242,7	456,2	605,6	634,0	47,7	1,88	1,39	0,08
Север европейской части	135,1	79,6	91,3	87,6	8,3	0,59	1,10	0,09
Казахстан	134,7	846,1	893,1	988,4	6,7	6,28	1,17	0,01
Восточная Сибирь	19,7	173,5	222,7	275,7	65,7	1,45	1,59	0,24
Северный Кавказ	45,5	24,6	0,7	0,3	–	0,54	0,01	–
Средняя Азия	35,2	324,4	358,3	380,7	0,3	9,22	1,17	0,00
Дальний Восток	29,3	19,6	107,3	64,2	15,8	0,67	3,28	0,25
Украина	7,5	5,2	5,2	0,7	–	0,69	0,13	–
Поволжье	3,3	22,0	22,0	23,0	0,0	6,67	1,05	0,00
Центр	–	22,4	22,4	26,3	–	–	1,17	–
Итого	897,3	2212,1	2607,9	2753,4	154,3	2,22	1,24	0,06

Рассчитано по: Земсков, 1995 (данные на 01.07.1950 — по ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 641, л. 372–380).

Однако вместо чаемой либерализации режима первые послевоенные годы принесли, напротив, еще большее его ужесточение и, соответственно, еще полумиллионный «прирост» спецпереселенцев. Именно тогда, по состоянию на 1 января 1953 года, было отмечено максимальное единовременное число спецпоселенцев в стране — 2 753 356 чел.²¹ (Для сравнения и на ту же дату: в лагерях и колониях ГУЛАГа, по официальным данным, содержалось лишь немногим меньше людей — 2 472 247 чел.²²)

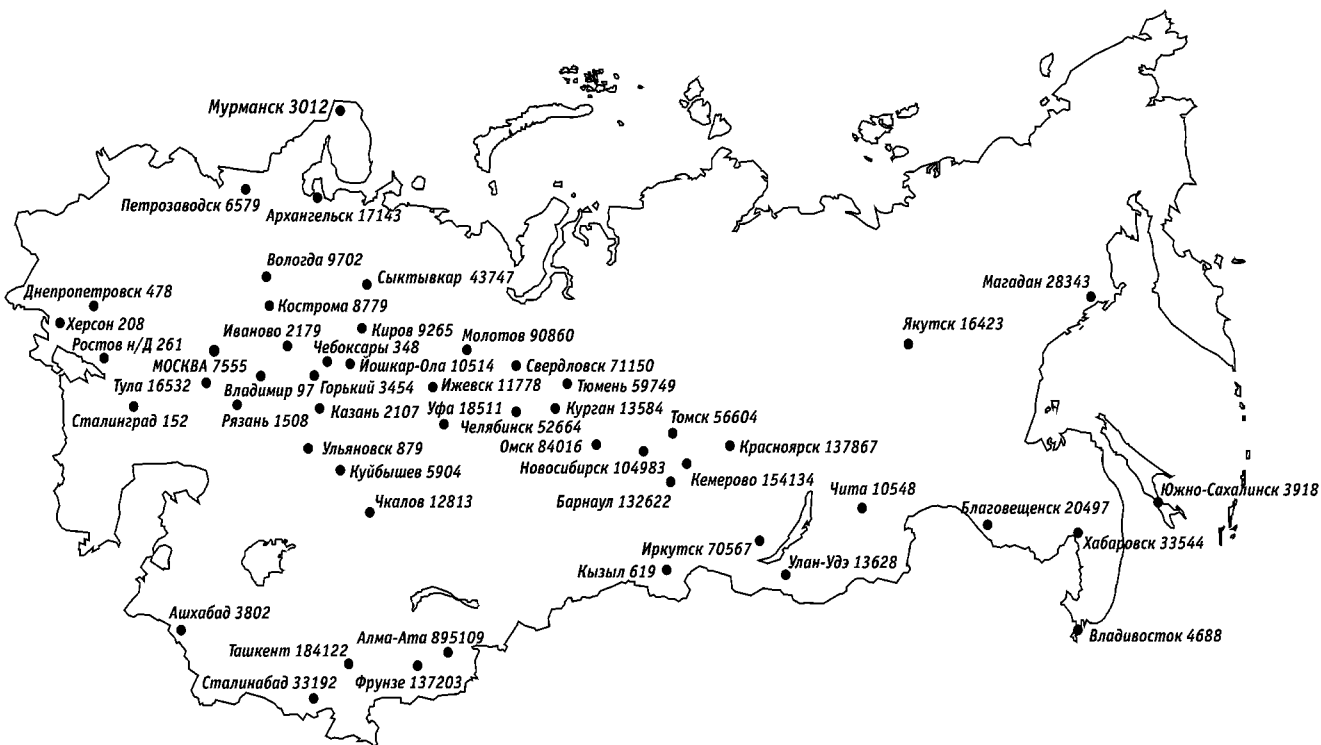
За 1945–1953 гг. резко возросла численность спецпоселенцев Зауралья: в частности, Западной Сибири — в 1,39 раза, Восточной Сибири — в 1,59 раза и Дальнего Востока — в 3,28(!) раза. Их совокупная доля составила в 1953 году 35,4% против 29,4% в 1945 году. В абсолютном исчислении почти на прежнем уровне оставались Урал и Европейский Север, а также Центр. В то же время в Средней Азии и Казахстане прирост упал до поистине «жалких» 17%, что вполне соотносимо с уровнем естественного при-

смертью; 1.01.1958, когда большая часть «наказанных народов» и других незаконно депортированных групп населения либо вернулась на покинутые места, как северокавказские и некоторые другие народы, либо, как немцы или крымские татары, получили гражданские права, но на новом месте обитания.

²¹ Земсков, 1990а, с. 16.

²² Иванова, 1997, с. 77, со ссылкой на: ЦАОДМ, ф. 203, оп. 1, д. 990, л. 134.

Рис. 6. Карта республик, краев и областей СССР, с указанием количества состоящих на учете спецпоселений, по состоянию на 01.07.1950

ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 641, л. 400

роста высланных сюда народов. Тем не менее динамика доли Средней Азии и Казахстана в числе спецпереселенцев не менее выразительна: 1938 год — 17,2%, 1945 год — 49,7%, 1953 год — 52,9% .

К 1958 году, когда большинство депортированных народов было снято со спецпоселения, суммарная доля Средней Азии и Казахстана упала до скромнейшего полупроцента, зато необычайно высоко, до 83,7%, вознеслась доля сурового Зауралья (и более чем наполовину — за счет Восточной Сибири): там традиционно содержались контингенты, не затронутые реабилитационными волнами.

Первой такой волной стало массовое снятие с учета спецпоселенцев-кулаков, последовательно происходившее на протяжении 1940-х гг. К началу 1949 года их находилось на учете лишь немногим более 130 тыс. чел., и лишь в Томской и Кемеровской обл., в Хабаровском крае и Херсонской обл. кулаки еще продолжали быть ведущим контингентом.

К этому времени определяющую роль в структуре спецпоселенцев стали играть уже депортированные немцы. К концу войны немцев на спецпоселении, без умерших и бежавших, значилось без малого 1 млн. чел. (949,8 тыс. чел.), в том числе (тыс. чел.) выехавшие из АССР НП 446,5 (47,0%), из Северо-Западного Кавказа и Крыма — 149,2 (15,7%), из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей Украины — 79,6 (8,3%), из Саратовской обл. — 46,7 (4,9%), из Закавказья — 46,4 (4,9%), из Ростовской обл. — 38,3 (4,0%), из Сталинградской обл. — 26,2 (2,8%) и т. д.²³

За послевоенное время и без того непростая структура немецких спецпоселенцев, вобравшая в себя несколько различных волн депортации, еще более усложнилась. Помимо немцев «выселенных» (из Поволжья и других районов европейской части), немцев «местных» (проживавших и до войны за Уралом), немцев «мобилизованных» (в «трудармию» и до конца 1945 года находившихся в специальных зонах по месту работы²⁴), добавились две новые категории. В частности, категория «*фольксдойче*», то есть немцев из западных районов СССР (главным образом с юга Украины), которых в начале войны не успели депортировать, но которых Красная Армия захватила при освобождении бывших под оккупацией областей²⁵. Их интернировали, имущество конфисковывали, а самих направляли, как правило, в Черногорский спецлагерь в Красноярском крае. К началу 1949 года на спецпоселении находилось и 120,2 тыс. немцев-«*репатриантов*», то есть немцев, возвращенных репатриационными комиссиями из Германии и Австрии.

Если на 1 октября 1948 года на спецпоселении находилось 1012,8 тыс. немцев, то на 1 января 1953 года — уже 1224,9 тыс., из них (тыс. чел.) 855,7 выселенных, 208,4 репатриированных, 111,3 «местных» и 48,6 «мобилизованных». В 1953 году на немцев приходилось 44,5% от общего числа спецпоселенцев, а вторая по этому показателю национальность — чеченцы — «отставала» почти в 4 раза.

²³ См.: Земсков, 1990а, с. 8.

²⁴ С 1946 г. — на учете в Отделе спецпоселений НКВД СССР.

²⁵ В Третьем Рейхе они пользовались всеми правами гражданства и связанными с этим привилегиями.

Какой же предстает более детальная география расселения «наказанных народов» и вообще этнических спецпереселенцев?

В фонде Отдела спецпереселений НКВД сохранилась уникальная карта: «четырёх-миллионка» СССР с территориальным делением по состоянию на 1954 год и с нанесёнными на нее масштабированными пунсонами семи различных цветов, соответствующим семи «наказанным народам»²⁶. В каждой области РСФСР и Казахстана пунсоны выстроены в ряд наподобие картодиаграммы, но республики Средней Азии даны целиком, без учета их внутреннего деления. Рукописная помета на карте датирует ее июнем 1956 года, так что это скорее всего некая итоговая карта результатов тотальных депортаций «наказанных народов», составленная накануне или в процессе снятия с них ограничений по спецпоселению.

Анализ данных карты (там, где это возможно, мы дополнили их данными о не попавших на карту народах, в частности, о корейцах, финнах и турках-месхетинцах) приводит к весьма любопытным наблюдениям и выводам. Спецпоселенцы из «наказанных народов» совершенно отсутствовали на весьма значительной части СССР, а именно в его западной части (Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, все области РСФСР к западу от Москвы), в ряде приграничных районов (Мурманская и Камчатская обл., Приморский край), а также в тех районах, откуда эти народы выселяли (Северный Кавказ, Нижняя Волга)²⁷.

В остальных регионах имеется то или иное сочетание представителей «наказанных народов». Бросается в глаза, что **немцы** представлены в них практически **повсеместно**. В европейской части есть регионы, где из «наказанных народов» кроме них вообще никого нет (например, Вологодская, Рязанская или Ульяновская обл.) или же контингенты других наказанных народов ничтожно малы (например, республики Коми, Карелия, Удмуртия, Татария, Бурятия, области Архангельская, Кировская, Челябинская, Курганская, Читинская и Иркутская, края Амурский и Хабаровский — в РСФСР, а также Уральская обл. в Казахстане и в целом Туркмения). Определенные уточнения вносит учет **финнов-ингерманландцев**, которых одно время тоже расселяли в европейской части, в том числе в таких регионах, как Вологодская обл. или Карелия (в 1944 году в европейской части расселяли также и **крымских татар**, о чем см. ниже).

Преобладают регионы европейского Севера, южного Урала, а также юга Дальнего Востока, из которых депортация немецкого населения, в основном, не производилась (если не считать мобилизации в трудовую армию и незначительных внутрирегиональных переселений, как, например, в Читинской обл., где немцев отселили от границы). Доля позднейших переселений на «запад», вызванных той или иной производственной необходимостью (например, на шахты Мосбасса в Московской и Тульской обл.), как правило, была незначительной. Самым многочисленным в этой группе регионов с немецким *доминированием* был немецкий контингент в Челябинской обл.

²⁶ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 31.

²⁷ В этих районах редко, но встречаются спецпоселенцы других категорий, например власовцы (в Мурманской обл. и Приморском крае) или кулаки (в Херсонской обл.).

Случаи, когда немецкое население не входило в тройку лидеров среди «наказанных народов» в том или ином регионе, крайне редки. Если немцы не доминировали (как в вышеперечисленных случаях), то, как правило, они *лидировали*, причем с очень большим отрывом. Так, в сочетании с **крымскими татарами**, они лидируют в ряде других областей Центра европейской части, Поволжья и Урала (Московская, Тульская, Костромская, Ивановская, Горьковская, Куйбышевская и Свердловская обл., Чувашия и Башкирия), а кроме того в Якутии, в Магаданской и Кемеровской обл. и в Таджикистане. Обратное сочетание (крымские татары опережают немцев) встречается всего дважды — в Марийской АССР и в Узбекистане, причем подчеркнем, что в Узбекистане *доминируют* уже крымские татары (133 тыс. чел. против 8, 5 тыс. немцев, заметно уступающих также корейцам и туркам-месхетинцам).

В шести регионах Западной и Восточной Сибири (Тюменская, Омская, Томская и Новосибирская обл., Алтайский и Красноярский края) вторыми после немцев следовали **калмыки**, представленные, как правило, колониями в 10–15 тыс. чел., а на Сахалине (регионе, в общем-то малохарактерном как для тех, так и для других) калмыки даже опережали немцев.

В пяти казахстанских областях дуэты лидеров образовали **немцы и чеченцы** (Карагандинская, Семипалатинская, Северо-Казахстанская, Актюбинская и Гурьевская обл.). Еще в четырех областях, расположенных на севере Казахстана (Кустанайской, Кокчетавской, Акмолинской и Павлодарской) отмечалась следующая комбинация народов: «немцы + ингуши + чеченцы».

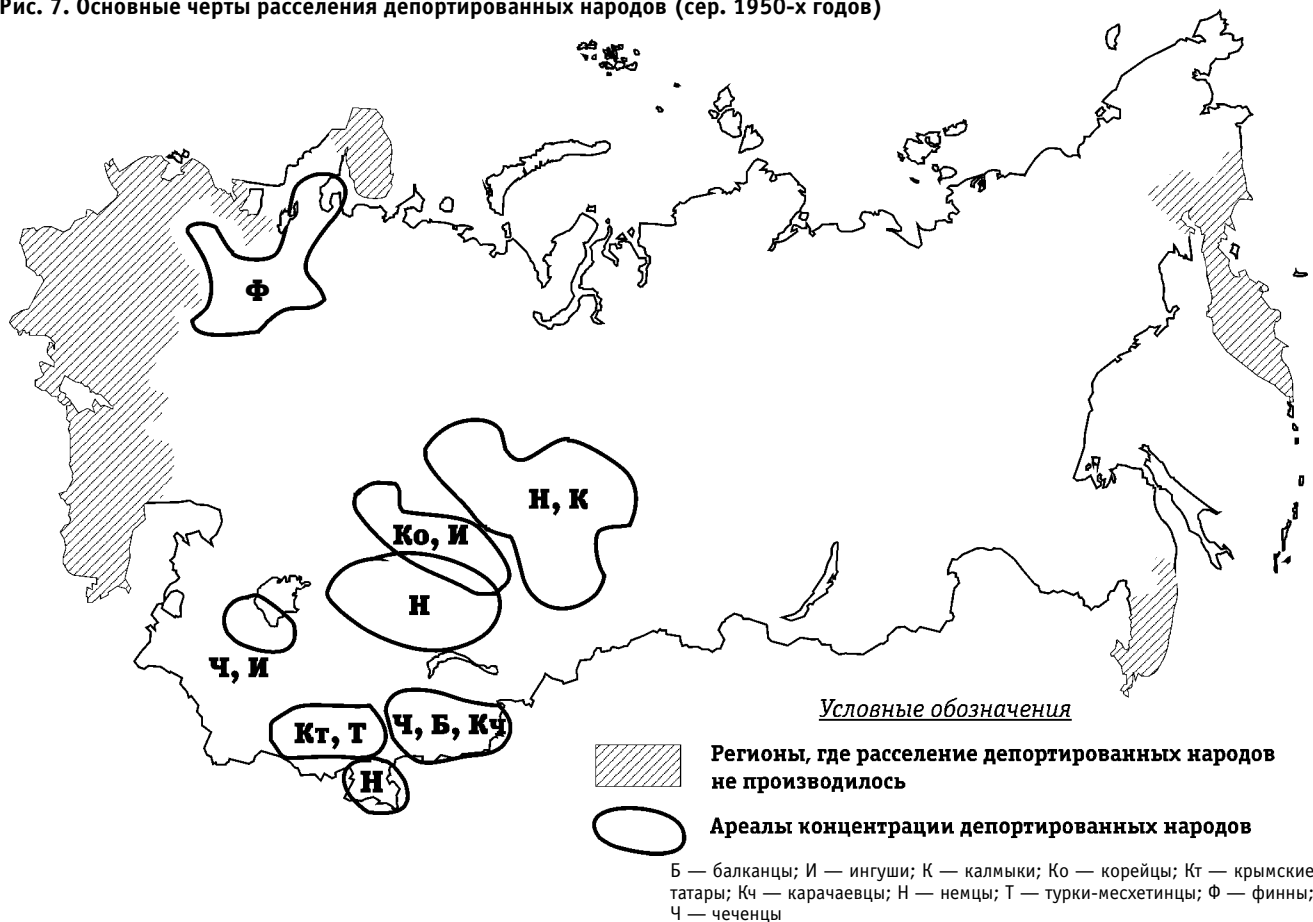
В одном случае (Восточноказахстанская обл.) чеченцы опередили немцев, в других это же сочетание дополняется еще каким-нибудь народом: например, в Каракалпакии — калмыками, а в Алма-Атинской и Талды-Курганской обл. на юго-востоке Казахстана — балкарцами. Еще в двух областях юга Казахстана по одному разу встречаются комбинации «карачаевцы + немцы + чеченцы» (Чимкентская обл.) и «чеченцы + карачаевцы + немцы» (Джамбульская обл.). Но самая сложная комбинация — «чеченцы + карачаевцы + немцы + балкарцы» — была отмечена в Киргизии.

Таким образом немецкая «монополия» на лидерство имела лишь 10 исключений, из них шесть приходилось на чеченцев, два — на крымских татар и по одному — на калмыков и карачаевцев.

Пространственная картина расселения основных депортированных народов показана на рис. 7. Еще раз подчеркнем, что главной особенностью расселения депортированных **немцев** была их условная **повсеместность**. Наибольшие очаги их концентрации (регионы с людностью не ниже 70 тыс. чел.) отмечались на Алтае, в Таджикистане, в Карагандинской, Новосибирской и Акмолинской обл. Такого же порядка концентрации помимо немцев встречались еще у трех народов — **крымских татар** и **корейцев** в Узбекистане и у **чеченцев** в Киргизии.

Чеченцы, являясь вторым по людности из репрессированных народов, доминировали в Киргизии и в граничащих с ней областях Юго-Восточного Казахстана, а также

Рис. 7. Основные черты расселения депортированных народов (сер. 1950-х годов)

в Каракалпакии. Достаточно представительно (колониями по 5 тыс. чел. и более) они были расселены по всему Казахстану, кроме его самых западных областей (но и относительно небольшое число чеченцев, например в Гурьевской обл., имело качественную нагрузку: это, в основном, грозненские нефтяники).

Крымские татары были мощно сконцентрированы в Узбекистане, но в то же время достаточно широко расселены и по России, являясь, в частности, вторым, кроме немцев, народом, ощутимо представленным в центре ее Европейской части (кроме них в значительных количествах там можно было встретить также и **ингерманландцев**). Можно предположить, что на этом сказался самый высокий из семи народов изначальный уровень урбанизации крымских татар.

Дальше всего на восток — в Сибирь (особенно в Западную) — был смещен основной ареал расселения **калмыков**. В таких регионах, как Алтайский и Красноярский край, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская обл., их насчитывалось более чем по 8–10 тыс. В Средней Азии они были заметны только в Каракалпакии, по природным условиям более напоминающей Калмыкию, чем, скажем, Сахалин, лидерство на котором калмыков смотрится скорее случайностью, чем закономерностью (в обоих случаях, по-видимому, сказалась рыболовецкая репутация калмыков). Отметим, что примерно в тех же регионах (Красноярский и Алтайский края, Новосибирская и Омская обл.) сосредоточилась и основная часть депортированного в начале войны **финского** населения.

Ингуши, родственники и соседи чеченцев по Кавказу, и в ссылке расселились сходным образом: неподалеку от чеченцев и в то же время относительно обособленно. В качестве ареалов концентрации ингушей выделялись северные области Казахстана, где они достаточно прочно занимали вторые роли.

Расселение же **карачаевцев** и **балкарцев** было сходным и между собой и в то же время как бы копировало чеченское: ареалы их концентрации — это Киргизия и граничащие с ней южные области Казахстана (в Чимкентской обл. самым многочисленным народом были именно карачаевцы).

Расселение **турок-месхетинцев** во многом следовало крымско-татарскому: они сконцентрировались в Узбекистане и Киргизии, в том числе в общей для обеих республик Ферганской долине. Расселение же **корейцев** — это Северный Казахстан в сочетании с Узбекистаном (и в этом смысле оно неплохо согласовывалось с первоначальным расселением части **поляков**, в частности, контингента 1940 года «административно-высланные»; большинство их было освобождено еще в 1941 году).

Если вспомнить о том, сколько кулаков, сколько немцев, корейцев и народов Северного Кавказа вобрал в себя за годы депортаций **Казахстан**, то думается, что демографический удар, полученный регионом в 1932–1933 гг. в результате голодной смерти и откочевки казахов в Китай, был скорее всего компенсирован и преодолен.

Более половины (52,4%) советских немцев в результате их массовой депортации оказались сконцентрированными в Казахстане. Большие группы немецкого населения (от 50 до 100 тыс. чел.) были поселены в краях и областях Сибири. В 1959 году немцы

в Казахстане были четвертым по численности народом, а в 1989 году — даже третьим (потеснив украинцев). Их доля при этом сократилась с 7,1 до 5,8%. Одновременно шла культурная и языковая ассимиляция: если по переписи 1970 года немецкий язык считали родным 67% советских немцев, то в по переписи 1979 года — уже 57%.

По данным Переписи населения СССР 1989 года, в стране насчитывалось в общей сложности около 2,1 млн. немцев. За 1953–1989 гг. их число особенно возросло в Казахстане, Киргизии и Узбекистане (соответственно, с 448,6 до 957,5, с 15,8 до 101,3 и с 8,4 до 39,8 тыс. чел.). В России в то время насчитывалось 842 тыс. немцев, из них в Саратовской обл. всего 17, а в Волгоградской — 14 тыс., что даже суммарно составляло не более 1,5% численности советских немцев.

«Базовым» стал Казахстан и для чеченцев (77,2%), ингушей (96,8%), карачаевцев (56,4%) и балкарцев (50,6%). В Узбекистане, напомним, немецкой монополии не было: здесь преобладало крымско-татарское, корейское и турецко-месхетинское население, а в Киргизии — чеченское, немецкое, карачаевское и турецко-месхетинское.

Если в масштабе СССР крупнейшими (по данным 1989 года) репрессированными народами были немцы, чеченцы, корейцы, крымские татары и ингуши, то в масштабе Российской Федерации — список и последовательность иные: чеченцы, немцы, ингуши, калмыки и карачаевцы (см. табл. 10).

Таблица 10. Численность населения репрессированных народов СССР (1939–1989, тыс. чел.)

Народы	1939	1959	1970	1979	1989
Немцы	1427,2	1619,7	1846,3	1936,2	2038,6
Карачаевцы	75,8	81,4	112,7	131,1	150,3
Калмыки	134,4	106,1	137,2	146,6	173,8
Чеченцы	408,0	418,8	612,7	755,8	899,0
Ингуши	92,1	110,0	157,6	186,2	237,4
Балкарцы	42,7	42,4	59,5	66,3	85,1
Крымские татары	218,9	н.д.	н.д.	н.д.	271,7
Корейцы	182,3	313,7	337,5	388,9	438,7
Турки-месхетинцы	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	207,5
Финны	144,7	92,7	84,8	77,1	67,4
Греки	286,4	309,3	336,7	343,8	358,1

Источники: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. — М., 1992, с. 80; Население СССР. 1987. Стат. сб.-к. — М., 1988, с. 98–100; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989. — М., 1990, с. 8–16.

Из той же таблицы видно, что большинство репрессированных народов, находясь на чужбине, сумело оправиться от демографического удара депортации и заметно приумножить свою численность. Исключениями тут являлись лишь балкарцы, немного не дотянувшие в 1959 году до своей численности в 1939 году, но в особенности — калмыки, чья численность и в 1959 году составляла лишь 78,9% от уровня 1939 года. Именно у калмыков зафиксирована максимальная среди репрессированных народов смертность: до 1 августа 1948 года их умерло 44 125 чел²⁸.

Реабилитация и внутренняя репатриация калмыков и народов Северного Кавказа

Прозявание депортированных народов на чужбине растянулось более чем на десятилетие. Возможностей бороться за свои права у них практически не было, и поэтому нельзя не отметить такую экстравагантную акцию, как вручение 13 декабря 1953 года калмыцкой делегацией во главе с Д. Бурхиновым меморандума о положении калмыков Генеральному секретарю ООН Д. Хаммершельду²⁹.

Первым шагом политической и гражданско-правовой **реабилитации** «наказанных народов» стало снятие с них **ограничений по спецпоселению**. Такое же списочное и поголовное, как и наложение на них этих ограничений, оно состоялось в интервале с мая 1955 по июль 1956 гг., причем первыми, кого это коснулось, стали те, с кого «наказания» народов и начались, — **немцы**. На них, согласно Постановлению СМ СССР от 24 ноября 1955 года «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев», пришлось 695 тыс. чел. из 740 тыс., освобожденных из-под надзора³⁰.

На этом этапе ни один из «наказанных народов» еще не получил легитимного права на возвращение на родину и, следовательно, не имел преимуществ перед другими.

Начало 1957 года ознаменовалось вторым шагом — возвращением пяти «наказанным народам» утраченной ими в годы войны **государственности и автономии**. Сделано это было весьма своеобразно: ПВС СССР своим Указом от 9 января «рекомендовал» ПВС РСФСР восстановить автономии. Таким образом, хотя упразднение автономий было произведено союзным центром, их восстановление было передано в компетенцию союзной республики (РСФСР).

Вскоре части репрессированных народов было предоставлено право вернуться на их прежнее местожительство на Северном Кавказе и Нижней Волге: 25 января 1957 года зам. министра внутренних дел Толстиков подписал приказ «О разрешении проживания и прописки калмыкам, балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам и членам их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»³¹.

²⁸ Бугай, Гонов, 1998, с. 193.

²⁹ Бугай, Гонов, 1998, с. 283.

³⁰ Бугай, Гонов, 1998, с. 285.

³¹ Бугай, Гонов, 1998, с. 288.

№ 539896
Кавказский

МИНИСТЕРСТВО
Внутренних Дел
Таджикской ССР

Цифром на жительство не служит.

СПРАВКА № 3282

10. февраля 1956 г.

г. Сталинабад

Гражданин _____
Шерер

Иван Терентьевич, 1922

года рождения, уроженец с. Зулу,
Богдановского р-на, Николаевский вел

национальность человек в том, что он нахо-
дился на спецпоселении и с 13. февраля 1956 г.
с учета спецпоселения снят.

Справка выдана для предъявления в паспортный стол.

Начальник отдела МВД
Иванович Шермагов

М. П. Зак. 844-17000

Политика партии и правительства по-прежнему была весьма дифференцированной, никакой уравниловки не было. Немцам, крымским татарам, а также туркам-месхетинцам (и прочим депортированным из Закавказья) возвращение в правовое поле гражданства было обставлено запретом физического возвращения на родные земли.³² Так группа тотально депортированных народов была расколота в первый раз.

У тех же депортированных народов, кому путь на родину был открыт, процесс возвращения начался практически сразу вслед за обретением государственности. Но уравниловки не было и среди них. Так, балкарцам, чеченцам и ингушам статус *автономной республики* был дарован с самого начала, тогда как калмыкам и карачаевцам дали лишь статус *автономной области*: но если карачаевцы и до выселения обладали таким статусом, то для калмыков это было явное «понижение»: повышения статуса до республиканского им пришлось ждать до 29 июля 1958 года, то есть еще 1,5 года. Карачаевцев ущемили иначе: если до депортации существовала отдельная Карачаевская АО, то теперь автономия была дарована лишь «на паях» с черкесами.

Казалось бы, второй клин был вбит между «привилегированными» чеченцами, ингушами и балкарцами, с одной стороны, и «дискриминированными» калмыками и, может быть, карачаевцами, с другой. Но на самом деле трещина прошла, но совсем не здесь, а по другой линии, зато прошла гораздо глубже: по-настоящему «дискриминированными» на этом этапе оказались именно *чеченцы и ингуши*, а также *калмыки*, поскольку их **административно-государственная реабилитация** (восстановление национальной государственности) **не была подкреплена реабилитацией территориальной** (восстановлением границ национальных автономий на момент депортаций)³³, то есть была изначально и принципиально **неполной**. Иными словами, и чеченцам, и ингушам хотя и разрешено было возвращаться в их прежнее территориально-административное образование, но восстановленное не в том виде и не в тех границах, как оно было до высылки: их обновленные контуры роковым образом содержали купюры, грозившие кровавыми «разборками» в будущем. Опасность, которая за этим стояла, тогда, при авторитарном и унитарном советском государстве, быть может, в полной мере и не осознавалась, но сегодня, когда Владикавказ и, особенно, Пригородный район уже стали внятными знаками кровопролития, смысл этих территориальных «нюансов» проступил с недвусмысленной четкостью.

Таким образом, восемь «наказанных народов» (присоединяем к «семерке» турок-месхетинцев — народ, пусть и не имевший до депортации своей автономии, но даже по числу депортированных превосходивший балкарцев и не уступавший ингушам и калмыкам, а главное — и сегодня наглухо отрезанный от родины) оказались разбитыми на три группы.

В **первую группу** входили *карачаевцы и балкарцы* — **реабилитированные** народы (их реабилитация была удовлетворительной по крайней мере по всем формальным признакам); во **вторую** — *чеченцы, ингуши и калмыки* — **частично** (или **неудовле-**

³² Аналогичный запрет был фактически наложен и на корейцев, хотя они не входили в число спецпоселенцев.

³³ См. о дефиниции «территориальной реабилитации» в: *Здравомыслов*, 1998, с. 51.

творительно) реабилитированные народы (реабилитированные в гражданско-правовом и административно-государственном отношениях, но не в территориальном); в **третью** — *немцы, крымские татары и турки-месхетинцы* — **не реабилитированные** народы, чья реабилитация свелась только к политической, или гражданско-правовой реабилитации, но не к административно-государственной и тем более территориальной.

С точки зрения своего **конфликтогенного потенциала**, вторая группа представляла собой гораздо более мощный очаг опасности, чем третья, уже в силу того, что участвующий в нем «неудовлетворенный» этнос консолидирован и административно-структурирован.

Рассмотрим, коротко и в указанной разбивке, развитие событий по отдельным «наказанным народам». В их зеркале отчетливо видны как общие, так и отдельные проблемы каждого из них.

Начнем с первой группы — группы **реабилитированных** народов.

Балкарцы. Ограничения по спецпоселению были сняты 18 апреля 1956 года (тем же указом, что и с крымских татар, турок-месхетинцев и др.), но без права возвращения на родину. 9 января 1957 года Кабардинская АССР была преобразована в Кабардино-Балкарскую АССР, причем территории, отошедшие к Грузии, возвращены и прежние названия восстановлены; отменен был и запрет возвращаться на прежнее местожительство. Возвращение балкарцев на родину шло очень интенсивно: уже к апрелю 1958 года возвратилось около 22 тыс. чел. К 1959 году уже вернулось около 81%, к 1970 году — более 86%, а к 1979 — около 90% всех балкарцев.³⁴ Тем не менее по крайней мере в четыре селения в Черекском ущелье — Думала, Кунюм, Сауту и Верхний Черек — возвращение не состоялось³⁵.

Карачаевцы. Ограничения по спецпоселению были сняты с них 16 июля 1956 года (одновременно с ингушами и чеченцами), но без права возвращения на родину. 9 января 1957 года Черкесская АО преобразована в Карачаево-Черкесскую АО (еще раз напомним, что накануне депортации существовала отдельная Карачаевская АО). Ей была возвращена территория, отошедшая после депортации к Краснодарскому краю и Грузинской ССР, а на бывшей грузинской территории восстановлены балкарские названия. Был отменен запрет возвращаться на прежнее местожительство и закреплено новое административно-территориальное деление территории. Возвращение карачаевцев шло почти столь же интенсивно, как и у балкарцев (см. табл. 11).

³⁴ См. табл. 4.2.1. В 80-е гг. эта доля вновь упала до 83,2%.

³⁵ Сообщено Р. Кулиевым. Эти селения были непосредственно связаны с событиями в Черекском ущелье в 1942–1943 гг., в сфальсифицированном виде использовавшимися в качестве одного из предлогов депортации (см.: *Азаматов, Темиржанов* и др., 1994).

Таблица 11. Численность населения репрессированных народов СССР (1939–1989, тыс. чел.)

Народы	1959	1970	1979	1989	1959–1989
Карачаевцы	84,3	86,1	83,3	83,0	– 1,3
Калмыки	61,2	80,4	83,3	84,2	+23,0
Чеченцы	58,2	83,1	80,9	76,8	+18,6
Ингуши	45,3	72,1	72,4	69,0	+23,7
Балкарцы	81,0	86,3	90,0	83,2	+2,2

Источники: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. — М., 1992, с. 80; Население СССР. 1987. Стат. сб-к. — М., 1988, с. 98–100; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989. — М., 1990, с. 8–16.

Из таблицы видно, что быстрее всех на родину возвращались карачаевцы и балкарцы — более 80% в 1959 году, а вот калмыки (61,2%), чеченцы (58,2%) и, особенно, ингуши (45,3%) явно не торопились домой, хотя в случае с ингушами (да и с калмыками тоже) сказывалась их неполная территориальная реабилитация. Своего максимума показатель сосредоточенности этноса в своей республике у карачаевцев и чеченцев пришелся на 1970 год, у ингушей — на 1979 год, а у балкарцев и калмыков — на 1989 год.

Обратимся теперь к **частично реабилитированным** народам.

Калмыки. 17 марта 1956 года были сняты ограничения по спецпоселению, но без права возвращения на родину. 9 января 1957 года была образована Калмыцкая АО в составе Ставропольского края. Ей возвращена прежняя территория республики (кроме Нариманского и Лиманского районов, оставшихся в Астраханской обл.), восстановлены старые названия, но, правда, не все. Запрет возвращаться на прежнее местожительство был тоже отменен. Наконец, 29 июля 1958 года Калмыцкая АО Ставропольского края преобразована в Калмыцкую АССР. Вместе с тем в Калмыкии «невозвращение» двух районов (калмыцкое население в них составляло всего от 2 до 11%) не привело к драматическим осложнениям и каким-либо массовым выступлениям.

Чеченцы и ингуши. 16 июня 1956 года с чеченцев и ингушей (одновременно с карачаевцами) были сняты ограничения по спецпоселению, но без права возвращения на родину. 9 января 1957 года восстановлена Чечено-Ингушская АССР, в состав которой были включены три района, изъятые из Ставропольского края и населенные преимущественно казаками и ногайцами, — Каргалинский, Шелковской и Наурский. Чеченские

земли, отошедшие к Дагестану и Грузии, были полностью возвращены, у большинства районов были восстановлены чеченские и ингушские названия.

Однако ряд горных районов под предлогом экономической нецелесообразности ведения в них сельского хозяйства для проживания чеченцев был закрыт (Итумкалинский, Галанчожский и Шароевский районы; до депортации в них проживало более 75 тыс. чел.), а их жителей стали селить в казачьих станицах и в плоскостных аулах. Собственно, для возмещения образовавшейся при этом нехватки угодий и были присоединены три района Ставрополя. Было запрещено возвращение в родные аулы чеченцев-аккинцев, проживавших до депортации в Хасавюртовском, Ново-Лакском и Казбековском районах Дагестана: для них, согласно специальному постановлению СМ Даг. АССР от 16 июля 1958 года, был установлен специальный паспортный режим³⁶.

Не была возвращена и примерно 1/6 часть бывших ингушских земель, в частности, прилегающий к Владикавказу и несколько усеченный при депортации Пригородный район (один из пяти ингушских районов, переданных после депортации в Северную Осетию), узкая полоска по правому борту Дарьяльского ущелья от границы с Грузией до реки Армхи (этот участок, как и Джераховское ущелье, в 1944–1956 гг. входил в состав Грузии), а также часть бывшего Пседахского района — узкая 5–7-километровая полоса, связывающая основную территорию с Моздокским районом (так называемый «Моздокский осетинский коридор»). Осетинское население из Назрановского, Пседахского и Ачалукского районов в течение 1957–1958 гг. было переселено — но не в Грузию, откуда его привозили по разнорядке, а в Пригородный район (естественно, и те осетины-переселенцы, что обосновались в самом Пригородном районе, могли в нем оставаться). По-видимому, альтернатива репатриации в Грузию была сочтена куда большим злом, и именно тут, по мнению А. А. Цуциева, — один из возможных ответов на вопрос, почему Пригородный район не был возвращен ингушам (официальная версия: «район экономически сросся с Владикавказом»)³⁷.

Впрочем, ингушам не запрещали возвращаться в Пригородный район, призванный стать и слить образцовым «районом осетино-ингушской дружбы». Но возвращаться-то приходилось не в собственные, а в занятые чужими людьми села, строиться на окраинах и задворках, под косыми недружелюбными взглядами непрошенных соседей, а то и вовсе на пустом месте (так возник, например, совершенно новый ингушский поселок Карца). Так что на самом деле Пригородный район стал ареалом чересполосного, смешанного и весьма плотного расселения двух этносов с натянутыми отношениями друг с другом: это гарантировало ему на будущее высочайший конфликтный потенциал.

³⁶ См.: Прокуменщиков, 1995.

³⁷ Цуциев, 1998, с. 73–75. Разумеется, не могло быть речи и о топонимической реабилитации бывших ингушских селений Пригородного района. Вот их перечень, согласно А. А. Цуциеву (в скобках — названия до 1944 г.): Майский, Чермен (Базоркино), Донгарон (Цуруюрт), Кургат (Гадаборшево), Дачное (Яндиево), Камбилеевское (Галгай-юрт), Октябрьское (Шолхи), Сунжа (Акки-юрт), Комгарон (Таузен-юрт), Тарское (Ангушт), Чернореченское, Терк (Длинная Долина), Балта, Редант 1, Редант 2, Попов Хутор (Мецхальский), Южный, Карцма, Эзми (Цуциев, 1998, с. 81). Ср. в гл. 2 с аналогичными топонимическими репрессиями против изначальных русских названий некоторых из этих селений (в прошлом станиц).

Если весной 1957 года на родину возвратилось 140 тыс. чел. (при плане в 78 тыс. чел.), то к концу года — даже около 200 тыс. чел.³⁸ В 1959 году на родине (с учетом Пригородного района) проживало лишь не более 60% чеченцев и 50% ингушей. К 1970 году эта доля достигла, соответственно, 90% и 85%³⁹. В целом же темпы возвращения чеченцев и, особенно, ингушей на родину были значительно ниже, чем у других «наказанных народов» (в случае ингушей — в значительной степени из-за невозвращенных земель⁴⁰).

Реабилитация немцев

Итак, после того как в середине 1950-х гг. большинству «наказанных народов» разрешили вернуться на родину и вернули государственность, для крымских татар, немцев и турок-месхетинцев было сделано «исключение». Все обвинения с них были сняты, но законодательно оформленного права вернуться на родину они еще очень долгое время не имели, а турки-месхетинцы не имеют его и сейчас.

Демагогически заявляя, что немцы и крымские татары лучше других «укоренились» на новом месте, власти были крайне не заинтересованы в нарушении сложившихся в их отсутствие статус-кво. Так, министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров, изучив расселение немцев по СССР и обнаружив, что они, оказываясь, рассеяны и только в 9 регионах насчитывают по 60–80 тыс. чел., пришел к выводу, что воссоздание немецкой автономии было бы «делом формальным»⁴¹. Он же в 1956 году находил наиболее целесообразным создание автономии крымских татар в... Узбекистане, поскольку его «*природные и климатические условия являются наиболее близкими к условиям их прежнего места жительства*».⁴²

Вместо возвращения в родные места и реинтеграции в их современную жизнь этим народам оставалось либо смириться с решениями властей, либо бороться за свои права. Это породило такие специфические формы и органы, как «делегации» и «съезды» советских немцев, «съезды» турок-месхетинцев или «курултай» крымских татар, а также — национально окрашенные (и более характерные для крымских татар) — самиздат и диссидентство (с которым, впрочем, достаточно плотно связаны такие громкие

³⁸ Бугай, 1995, с. 280–281.

³⁹ Тогда в ЧИ АССР проживало 508,9 тыс. чеченцев и 113,7 тыс. ингушей (еще 40,0 тыс. чеченцев проживало в Дагестане, а 18,4 тыс. ингушей — в СО АССР).

⁴⁰ А. А. Цуциев оценивает долю вернувшихся в Пригородный район в интервале от 30 до 50% (Цуциев, 1998, с. 75).

⁴¹ См.: Бугай, 1995, с. 260–261.

⁴² См.: Бугай, 1995, с. 289. Кстати, существует интересное, хотя и в высшей степени спорное объяснение того, почему советским немцам было отказано в «репатриации»: виноваты в этом они сами, их трудолюбие и дисциплинированность — вот их и оставили поднимать целину! В то время как «зэчским» народам — и прежде всего чеченцам и ингушам — разрешено было вернуться, поскольку от них для Целины только один вред (Цуциев, 1998, с. 73).

«столичные» имена, как А. Сахаров, П. Григоренко или А. Некрич). Одной из эффективных форм борьбы была и нелегальная репатриация — то есть самовольное, невзирая на все запреты, вселение в родные места, самозахваты земель, домов и т. д.⁴³

В конце 1980-х гг. по проблемам каждого из этих трех народов — советских немцев, крымских татар и турков-месхетинцев — были созданы однотипные специальные комиссии при ВС СССР.

Проследим же реабилитационную судьбу каждого из этих трех нереабилитированных народов по отдельности.

Что касается немцев, то формально именно они были первыми из репрессированных народов, с которого — 13 декабря 1955 года — были сняты огульные обвинения и ограничения в их правовом положении. Но основной смысл того указа заключался в том, чтобы узаконить дальнейшее проживание немцев там, куда их выселили (*«учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства..., а районы его прежнего места жительства заселены»*). Из отмены спецучета и комендатур еще отнюдь не вытекало право ни на возвращение конфискованного при выселении имущества, ни, самое главное, на возвращение в районы старого проживания.

Интересно, что Указ ПВС от 28 августа 1941 года был официально отменен только 29 августа 1964 года. Но, отменив «преступление», «наказание», однако, оставили в силе: по-прежнему не предусматривались ни возвращение немцев на Волгу, ни восстановление их автономии.

С ходатайствами о возвращении на родину в начале января и в июне-июле 1965 года в Москве находились Первая и Вторая делегации советских немцев. И хотя обе делегации были приняты Председателем ПВС СССР А. И. Микояном (12 января и 7 июля 1965 года), главной своей цели они добиться не смогли. Фактически оба раза им было обещано содействие лишь в развитии культурно-национальной автономии, но в главном вопросе — административной и территориальной реабилитации — им было отказано под предлогами нецелесообразности, неудачности момента, отсутствия необходимых огромных средств и невозможности вести без немцев сельское хозяйство на целине⁴⁴. Говорилось и о перенаселенности территории бывшей АССР НП, что, кстати, не соответствовало действительности: рост населения там произошел исключительно в городах, сельская же местность, по сравнению с довоенным уровнем, была заселена лишь на 20–30%.

Юридические ограничения к возвращению на Волгу были сняты только в ноябре 1972 года. В 1979 году была предпринята неудачная попытка образования Немецкой автономной области в Казахстане, были даже подготовлены проекты указов ПВС СССР

⁴³ *Червоная*, 1997, с. 151–152.

⁴⁴ Ситуацию в целом великолепно суммирует образ из письма немецких делегатов А. Микояну от 9.07.1965. Преступнику, отсидевшему в тюрьме 23 года и, как выясняется, понапрасну, вдруг говорит: *«Ты осужден по ошибке, ты не виноват, ты хороший парень. Но ты так тут привык, так „укоренился“, что и дальше продолжай сидеть, оставайся»* (См.: Ауман, Чеботарева, 1994, с. 21–41).

и ПВС Казахстана. Однако после беспрецедентных по своей враждебности по отношению к немцам демонстраций казахской молодежи в Целинограде и Агбасаре 16, 19 и 22 июня 1979 года и эта половинчатая инициатива была спущена на тормозах⁴⁵.

В апреле, июле и октябре 1988 года в Москве побывали Третья, Четвертая и Пятая делегации советских немцев. Третья делегация 13 апреля 1988 года обратилась с письмом к М. С. Горбачеву и А. А. Громыко (в то время Председателю ПВС СССР). Но ни Горбачев, ни Рыжков, ни даже А. Яковлев их не приняли; встречи состоялись в ЦК КПСС и ВС СССР. Апеллировали немцы и к XIX Партконференции КПСС, состоявшейся в конце июня 1988 года (документ, озаглавленный «Как мы представляем себе восстановление АССР Немцев Поволжья»). Прочитав его: *«Во избежание даже малейших обид и недоразумений между местным населением и прибывающими в автономию советскими немцами провести необходимую разъяснительную работу... Местное население ни в какой мере не должно испытать ущерба от восстановления автономии. Все, кто хочет, может и должен оставаться там, где он сейчас живет. Советские немцы прошли через суровую школу несправедливости, допущенной по отношению к ним, и не могут допустить несправедливости по отношению к другим людям — своим будущим соседям и коллегам по работе. Никаких претензий по возвращению отобранных в 1941 г. домов, имущества и т.д. советские немцы предъявлять не будут, ибо это не только не вызывает какой-либо практической необходимости, но и может привести к неза заслуженной обиде невинных людей, советские немцы будут всецело руководствоваться главной для них ценностью — восстановлением их государственности»*⁴⁶.

28–31 марта 1989 года в Москве состоялась учредительная конференция Всесоюзного общественно-политического и культурно-просветительского общества советских немцев «Возрождение» («Wiedergeburt»), сопредседателями которого были избраны Г. Г. Гроут и Г. Г. Вормсбехер. А 14 ноября 1989 года была принята Декларация ВС СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав»⁴⁷.

После ее принятия сложилась принципиально благоприятная ситуация для восстановления немецкой автономии в Поволжье, в рамках Саратовской и Волгоградской областей, на что тогда соглашались их руководство и ВС СССР. В этой ситуации выставленный обществом «Возрождение» ультиматум: «или автономия в прежних границах, или ничего» (в сочетании с рядом бестактных высказываний по адресу местного населения) был контрпродуктивен и много способствовал второму из вариантов.

К тому же, как и прежде, движению советских немцев за восстановление АССР НП противостояла и организованная кампания против такого развития событий. В Поволжье проходили митинги и собрания противников автономии. 14 августа 1990 года Исполком Саратовского облисполкома принял документ «О первоочередных мерах по решению проблем советских немцев, проживающих на территории области». Эта позиция

⁴⁵ Ауман, Чеботарева, 1993, с. 190–197.

⁴⁶ Ауман, Чеботарева, 1994, с. 69.

⁴⁷ См. Приложение 4.3.1.

поддерживалась и в Государственной комиссии по проблемам советских немцев СМ СССР, и в Отделе национальных отношений ЦК КПСС (руководители В. Гусев и В. Михайлов), что отразилось в ряде записок этого предрешающего государственные решения органа⁴⁸. Вывод об «отсутствии в настоящее время условий для восстановления» немецкой автономии в Поволжье базировался на несокрушимом тезисе о «недопустимости осложнений в межнациональных отношениях».

Запланированный на 16 июля 1990 года Съезд советских немцев был перенесен сначала на декабрь 1990 года, а затем на 12 марта 1991 года — с явным расчетом на то, чтобы — под опекой ЦК КПСС — провести документы, фактически снимающие вопрос о воссоздании автономии. Тут наконец время для немцев нашел и М. Горбачев, но встретился он только с представителями конформистского течения и обсуждал с ними возможность создания надтерриториального органа, то есть фактически отверг вариант реальной автономии⁴⁹.

Как ни странно, но кульминацией антинемецкой кампании стал визит в Поволжье президента РСФСР Б. Ельцина. 8 января 1991 года он посетил Саратов: никогда еще откровенная поддержка противников восстановления автономии не звучала столь категорично и на столь высоком уровне⁵⁰.

Впечатления не исправили ни принятый 26 января 1991 года «Закон о реабилитации репрессированных народов», ни Указы Президента РФ «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» от 21 февраля 1992 года, «О создании в Поволжском районе поселений российских немцев на базе агрокомплексов...» от 21 мая 1992 года. Указ о реабилитации советских немцев предусматривал, в частности, создание немецкого национального района в Саратовской и национального округа в Волгоградской обл. Но уже 18 июня 1992 года сессия Энгельсовского райсовета Саратовской обл., где предполагалось воссоздавать такой район, высказалась против образования каких-либо национально-территориальных образований на своей территории.

В соответствии с упомянутыми документами на территории РФ были созданы только два таких образования — Немецкий национальный район в Алтайском крае, объединяющий 16 поселений общей численностью свыше 20 тыс. чел., и Азовский национальный район в Омской обл. В этих сибирских регионах выработалась позиция: «национальные

⁴⁸ См. записку «О ситуации вокруг проблемы советских немцев» от 24.09.1990 (РГАНИ, ф. 89, оп. 8, д. 60, л. 3–11).

⁴⁹ Что немало поспособствовало расколу в руководстве самого «Возрождения».

⁵⁰ Выступая перед трудящимися, державшими лозунги типа «Автономия немцев — в Германии», он «сымпровизировал» буквально следующее: «...Сделаю ответственное заявление, чтобы все об этом знали. Там, где нет компактного проживания немецкого населения, заселения немцев Поволжья, т.е. чтобы их было подавляющее большинство, никакой автономии не будет! Я вам как Президент гарантирую! Другое дело, скажем, в Волгоградской области военный полигон 300 тысяч гектаров, пустой (имеется в виду полигон Капустин Яр. — П.П.), и маршал Шапошников его отдаст. И там будут они заселены, допустим. И пусть эту землю, которая снарядами начинена, пусть они ее, значит, обрабатывают. И Германия поможет (Незадолго до этого, в Германии, Ельцину была обещана финансовая поддержка. — П.П.). Там, может быть, в каком-то будущем, какая-то такая вот область и будет, или может быть район какой-то национальный немцев Поволжья, но только, когда там будет 90% немцев» (Цит. по: Ауман, Чеботарева, 1993, с. 401–402).

районы — не альтернатива республике, но сегодня нет альтернативы национальному району». В 1991–1995 гг. ФРГ оказала Алтайскому краю помощь в размере 60 млн. немецких марок, в районе была построена АТС «Сименс» на 3000 номеров, созданы общество «Halbstadt GmbH» и «Brücke», организованы бесплатные курсы немецкого языка (последнее тем более симптоматично, что ни местные жители, ни даже руководители района между собой не говорили по-немецки).

На базе фермерских агрокомплексов в Энгельсовском, Марксовском, Краснокутском и Ровненском районах Саратовской обл., где ранее находилось ядро АССР НП, возводились жилые дома для немецких переселенцев. Немцев приглашали переезжать в Ульяновскую (с. Богдашкино) и Ленинградскую области, а также в места довоенного проживания на Украине. В печати обсуждался даже «кенигсбергский» вариант воссоздания автономии.

Мощного союзника в деле воссоздания немецкой автономии ее сторонники нашли в лице Правительства ФРГ, после объединения Германии более уже не заинтересованной в столь значительной репатриации советских немцев. *«ФРГ заинтересована в том, чтобы немцы оставались в Советском Союзе»*, — официально заявлял Г.-Д. Геншер⁵¹. Так что не удивительно, что 20 октября 1992 года Россия и Германия подписали «Протокол о сотрудничестве с целью поэтапного восстановления государственности российских немцев».

4–6 февраля 1993 года состоялся Первый конгресс поволжских немцев, на котором было создано Землячество немцев Поволжья. Фактически там же был декларирован отказ от политической борьбы за автономию и перенос акцентов на решение хозяйственных, социальных и культурных задач немцев Поволжья.

Тем не менее на Волге мощное движение даже против поэтапного восстановления немецкой автономии не ослабевало. В результате все последующее развитие событий вокруг воссоздания (точнее, не-воссоздания) национальной автономии привело советских немцев к формулировке следующего ультиматума, озвученного руководством «Возрождения»: **альтернативой** Немецкой республике в Поволжье является только **тотальная эмиграция в ФРГ**.

Что, собственно говоря, и происходит. Немцы «голосуют ногами» и начиная с 1990 года поистине массово уезжают.

Сам по себе «призрак» эмиграции постоянно присутствовал в политической борьбе советских немцев за свои законные права. Теоретически эмиграционная альтернатива возникла тотчас же после начала их реабилитации, а формальное начало ей было положено еще в 1951 году.

Согласно переписи населения ФРГ 1950 года, в стране проживало около 51 тыс. немцев, родившихся на территории, до 1939 года входившей в СССР. Это оказалось немаловажным для начала немецкой иммиграции из Советского Союза, поскольку на первом ее этапе советская сторона шла навстречу главным образом в случаях воссоедине-

⁵¹ См.: Известия, 20.03.1991.

ния семей. В 1951 году из СССР в ФРГ выехали первые этнические немцы (1721 чел.). После того как 22 февраля 1955 года Бундестаг решил признавать немецкое гражданство, принятое во время войны, действие «Закона об изгнанных» было распространено на всех немцев, проживавших в Восточной Европе и подвергавшихся преследованиям и депортациям. Уже к маю 1956 года в немецком посольстве в Москве скопилось около 80 тыс. заявлений советских немцев на выезд в ФРГ⁵². В 1958–1959 гг. реальное число немецких эмигрантов составило 4–5,5 тыс. чел.

В то же время власти СССР всячески препятствовали эмиграции немцев из страны, нехотя отпуская их, как и евреев, лишь исключительно по линии воссоединения семей. Усилия самих немцев, которым отказывали в желании репатрироваться, активизировались в середине 70-х гг.: не очень массовые, но частые их демонстрации проводились, как правило, перед ЦК КПСС или немецким посольством⁵³.

В отдельных республиках (Эстонии, Латвии, Казахстане) создавались эмиграционные комитеты для коллективизации усилий по получению разрешений на выезд. В январе 1974 года был выпущен самиздатский сборник «Репатриа», освещавший проблемы немецкого эмиграционного движения⁵⁴. В конце 1976 года около 300 немцев из Казахстана и Киргизии впервые применили такой способ протеста, как отказ от гражданства СССР со сдачей советских паспортов и одновременным обращением в правительства СССР и ФРГ и в международные организации: многие «отказники» были репрессированы за «нарушение паспортного режима» или даже «клевету на советский строй»⁵⁵.

Кстати, именно эмиграционный результат 1976 года (9704 иммигрантов) долгое время был рекордным. Только в 1987 году 10-тысячный рубеж «пал» (14 488 чел.), после чего практически каждый год планка поднималась на новую высоту (чел.): 1988 год — 47 572, 1989 год — 98 134, 1990 год — 147 950, 1991 год — 147 320, 1992 год — 195 950, 1993 год — 207 347 и 1994 год — 213 214 чел. В 1995 году планка устояла (209 409 чел.), а в 1996 году — двинулась вниз (172 181 чел.).

Это объясняется не столько политикой воссоздания благоприятных условий для проживания немцев в Казахстане, России и т. д., сколько ужесточением со стороны ФРГ самого регламента переселения. В частности, 16 июля 1989 года, в качестве дополнения к «Закону об изгнанных», Бундестаг принял так называемый «Закон о назначении места жительства». С учетом поправок от 1 марта 1996 и 13 ноября 1997 гг. он предусматривает фактическое прикрепление переселенцев к предписанным им землям и даже населенным пунктам на первые два года проживания в Германии, а въехавшим после 29 февраля 1996 года — даже на 4,5 года. Декларируемым мотивом является обеспечение равномерного распределения вновь прибывших по территории, но фактически за этим

⁵² Кригер, 1997, с. 5.

⁵³ Во время одной из демонстраций перед зданием ЦК (11.02.1974) Л. Ольденбург приковала себя и своих детей к светофору (см.: Алексеева, 1992, с. 138).

⁵⁴ Сборник был задуман как периодический, но после скорого отъезда его составителей (В. Григас, Л. Бауэр и Ф. Руппель) в ФРГ более не возобновлялся (см.: Алексеева, 1992, с. 138).

⁵⁵ См: Алексеева, 1992, с. 138–139.

стоит стремление закрепить переселенцев в восточных землях, где проживало лишь около 20% переселенцев из быв. СССР⁵⁶.

Основным препятствием для эмиграции немцев из СССР является сегодня само германское государство, испытывавшее во второй половине 1990-х гг. серьезные экономические трудности и внутривнутриполитически не заинтересованное ни в каком виде иммиграции. За 1995–1998 гг. поток переселенцев сократился более чем вдвое и лишь в 1999 году стабилизировался на отметке чуть более 100 тыс. чел. Мощным барьером для немцев-переселенцев на их пути в Германию стала необходимость сдачи экзамена на знание немецкого языка (Sprachtest) еще на месте, в странах СНГ (на экзамене, как правило, «проваливается» не менее $\frac{1}{3}$ допущенных к нему)⁵⁷.

Тем не менее 1990-е годы в целом стали временем обвального исхода немцев из республик быв. СССР. Всего за 1951–1999 гг. в ФРГ переселилось 1,9 млн. советских немцев и членов их семей (см. табл. 12). По некоторым оценкам, немцы «по паспорту» (то есть прибывшие на основании § 4 «Закона об изгнанных») составляют среди них примерно $\frac{4}{5}$, еще $\frac{1}{5}$ приходится на их супругов, потомков и родственников (в основном, русских и украинцев).

Ко времени распада СССР из России, Украины и Туркмении выехало около 15% имевшегося там немецкого населения, а из Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана — порядка 20–25% (из закавказских республик — даже более 35%).⁵⁸ Эти различия достаточно показательны для оценки того выталкивающего давления, которому подвергалось немецкое население на территории быв. СССР. К началу же 1997 года в Казахстане оставалось менее $\frac{1}{3}$ проживавших там ранее немцев, в Киргизии — $\frac{1}{6}$, а в Таджикистане немецкий контингент был практически исчерпан. Уровень немецкой эмиграции в России гораздо ниже; мало того, отмечается и заметная немецкая иммиграция из среднеазиатских государств в Россию⁵⁹.

По данным на 1996 год, в общем потоке немецких репатриантов из быв. СССР доминировал Казахстан (в среднем 56,0%), хотя его доля при этом (так же, как и государств Средней Азии) неуклонно снижалась: доля же России, напротив, росла и составила, в среднем, 32,7% (см. табл. 13).

Между тем ни в России, ни в Казахстане сегодня о немецкой автономии, кажется, уже и не помышляют. В России ограничились выпуском 6 июня 1996 года очередного

⁵⁶ Разумеется, закон не носит запретительного характера. Но в случае отъезда переселенцев из назначенного им населенного пункта они автоматически лишаются пособия по интеграции, оплаченных языковых курсов, а причитающееся им социальное пособие будет минимизировано.

⁵⁷ Примечательно, что соответствующие комментарии Ваффеншмидта, федерального Уполномоченного по делам переселенцев в правительстве Г. Коля, нередко смотрелись не иначе как «победные религии» с фронта, — как если бы речь шла «о борьбе с наводнениями или полчищами сельскохозяйственных вредителей» (А. Л. Немецкие газеты — о переселенцах // Восточный экспресс. — Ален, 1997. № 9. С. 7).

⁵⁸ Heinkel R. Binnenintegration als Factor für die Eingliederung Russlanddeutscher Aussiedler in die Bundesrepublik Deutschland — das Beispiel zweier Gemeinden in Rheinhessen // Festschrift für Erdmann Gormsen zum 65. Geburtstag. Mainzer Geographische Studien. Н. 40, Mainz 1994, s. 445-458).

⁵⁹ По: Кригер, 1997, с. 5. В Россию, кстати сказать, переезжают немцы из Прибалтики.

Президентского указа «О дополнительных мерах по обеспечению реабилитации российских немцев» и созданием в конце 1997 года культурной автономии российских немцев. Завершена разработка Целевой федеральной программы «Развитие социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев»⁶⁰, заказчиком которой выступило Министерство по делам национальностей и федеральным отношениям, а главным исполнителем — Общественно-государственный фонд «Российские немцы»⁶¹. Думается, однако, что время для решения коренной проблемы — воссоздания немецкой автономии в России — безвозвратно упущено.

Таблица 12. Динамика потока немецких переселенцев из бывшего СССР в Германию (1951–1996)

Периоды времени	Немецкие переселенцы из быв. СССР (чел.)	Их доля в общем числе немецких переселенцев в Германию (%)
1951–1955	1 956	3,3
1956–1960	14 086	4,8
1961–1965	3 593	3,9
1966–1970	3 593	2,9
1971–1975	21 591	17,5
1976–1980	41 613	15,8
1981–1985	8 664	3,8
1986–1990	308 537	28,1
1991–1995	972 866	87,5
1996–1999	509 225	98,0
Всего за 1951–1999	1 886 534	48,0

Рассчитано по: Bundesausgleichsamt, Statistischer Bericht Az.: I/2 Vt 6838, 6. Dezember 1991; Info-Dienst Deutsche Aussiedler: Januar 1993. Nr. 38. S. 39; Januar 1994. Nr. 49. S.15; Januar 1995. Nr. 63. S. 4; Januar 1996. Nr. 75. S. 3; Bundesverwaltungsamt, Jahrestatistik Aussiedler 1996, 1997, 1998, 1999 (сердечно благодарим д-ра Б. Дитц, Мюнхен, за предоставленные первичные данные. — П. П.)

⁶⁰ Рассчитана на 1997–2006 гг. (она должна была быть готова еще к декабрю 1996 г., но из-за недостатка нужной статистики этот срок выдержать не удалось). Сам проект «специфичен» разве что механизмом реализации (посредством поручений, спущенных министерствам) и планированием соответствующих бюджетных средств (см.: Петров Н. Президентский указ наконец-то выполнен // Иностранец. 1997. № 20. 4 июня. С. 22).

⁶¹ Президентом фонда являлся РФ В. Бауэр (быв. депутат Госдумы и зам. министра быв. Министерства по делам национальностей и региональной политики в правительствах В. Черномырдина и С. Кириенко).

Таблица 13. Структура потока немецких переселенцев из стран бывшего СССР в Германию (1992–1996)

Страны СНГ	1992	1993	1994	1995	1996	1992–1996
Казахстан	114 382 58,5	113 288 54,6	121 517 57,0	117 14855,9	92 125 53,5	558 460 56,0
Россия	55 875 28,6	67 365 32,5	68 397 32,1	71 685 34,2	63 311 36,8	326 633 32,7
Киргизия	12 618 6,4	12 373 6,0	10 847 5,1	8 858 4,2	7 467 4,3	52 163 5,2
Др. гос-ва Центр. Азии	7 555 3,9	9 005 4,3	7 046 3,3	5 889 2,8	4 155 2,4	33 650 3,4
Украина	2 700 1,4	2 711 1,3	3 139 1,5	3 650 1,7	3 460 2,0	15 660 1,6
Прочие страны	2 446 1,2	2 605 1,3	2 268 1,0	2 179 1,2	1 663 1,0	11 161 1,1
Всего	195 576 100,0	207 347 100,0	213 214 100,0	209 409 100,0	172 181 100,0	997 727 100,0

В числителе — чел.; в знаменателе — %.

Расчитано по: Bundesaugleichsamt, Statistischer Bericht Az.: I/2 Vt 6838, 6. Dezember 1991; Info-Dienst Deutsche Aussiedler: Januar 1993. Nr. 38. S. 39; Januar 1994. Nr. 49. S. 15; Januar 1995. Nr. 63. S. 4; Januar 1996. Nr. 75. S. 3; Bundesverwaltungsamt, Jahresstatistik Aussiedler 1996.

Реабилитация крымских татар

Крымских татар выселяли из РСФСР; спустя десятилетие Крым сменил государственную принадлежность — Указ ПВС от 19 февраля 1954 года перевел его под юрисдикцию УССР. Указом ПВС от 28 апреля 1956 года крымские татары были сняты со спецпоселения и восстановлены в общегражданских правах. Но не во всем объеме: в частности, они были лишены прав на *репатриацию* и *реституцию*, то есть права вернуться на свою родину и права на возвращение конфискованного при депортации имущества. Да и те огульные обвинения, которые им при этом вменялись, были дезавуированы значительно позже, а именно в Указе ВС от 5 сентября 1967 года (выходу этого указа предшествовала встреча председателя КГБ Ю. Андропова с делегацией крымских татар).

Вместе с тем движение крымских татар за возвращение на родину ведет свою историю от всенародной петиционной кампании 1956 года. Начиная с 1968 года оно сблизилось с советским правозащитным движением, вскоре став одной из его главных частей⁶².

⁶² См.: *Алексеева*, 1992, с. 93–140. Становление движения пришлось на 1956–1964 гг.: так, первый судебный процесс против крымско-татарских активистов состоялся в 1962 г. в Ташкенте. На 1964–1969 гг. пришлось расцвет и период наибольшей активности движения: митинги, петиции, делегации, издание бюллетеня — прообраза «Хроники текущих событий»; с 1970 г. отмечается кризис движения.

Активисты крымско-татарского движения находились под постоянным присмотром органов госбезопасности или внутренних дел⁶³. Особенно громкими были аресты и процессы над Мустафой Джемилевым (1969, 1974 и 1979 гг.).

В октябре 1966 года состоялись — и были жестоко разогнаны милицией и войсками — массовые митинги крымских татар в связи с 45-летием образования Крымской АССР. 21 июня 1967 года делегацию крымских татар приняли секретарь ВС СССР Георгадзе, министр внутренних дел Щелоков, председатель КГБ Андропов и Генеральный прокурор Руденко. Данное на встрече обещание о скорой реабилитации крымских татар и разрешении им возвращаться в Крым, однако, выполнено не было. И лишь 5 сентября 1967 года, после многотысячных — и, разумеется, разогнанных — демонстраций в Ташкенте 27 августа и 2 сентября, вышли два Указа ПВС. Первый из них выразительно назывался «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму»: он все-таки снимал с крымских татар огульные обвинения в измене родине. Второй же Указ — «О порядке применения части 2 Указа ПВС от 28 апреля 1956 года» (именно эта часть подтверждала запрет на въезд в Крым) — формально разрешал крымским татарам селиться по всей территории СССР, в том числе, стало быть, и в Крыму, но только «в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме».

На практике это и означало, что новым «оружием государственной защиты» от крымских татар стали паспортный режим и прописка⁶⁴. Тем не менее первые возвращенцы отправились на родину чуть ли не в день опубликования указов. За три месяца — с сентября по декабрь 1967 года — в Крым прибыло около 1200 семей (6 тыс. чел.), однако прорваться сквозь замкнутый круг и прописаться на законных основаниях смогли только две семьи и трое холостяков. Руководители предприятий были проинструктированы об отказе крымским татарам в приеме на работу, директора школ — об отказе в приеме детей непрописанных крымских татар, а нотариусы — об отказах в оформлении купленных татарами домов⁶⁵.

Весной 1968 года правила переселения в Крым были еще более ужесточены: легально вернуться на родину можно было только по оргнабору, то есть тем, с кем направленные в Среднюю Азию уполномоченные из Крыма заключили договора о приеме на работу. В 1968 году по оргнабору переселилось всего 168 татарских семей, в 1969 году — 33 и в 1970 году — 16. Разумеется, число вернувшихся явочным порядком, безо всякого на то разрешения властей, было значительно выше, хотя их по-прежнему не прописывали и даже осуждали за нарушение паспортного режима (в 1968 году из 12 тыс. возвращенцев прописалось всего 18 семей и 13 холостяков, а 17 чел. посадили). Всего же за

⁶³ См.: Некрич, 1978 (о профессоре Р. И. Музафарове и др.). В декабре 1973 г. в Симферополе прошел суд над ними.

⁶⁴ До опубликования указов прописка в Крыму существовала лишь в городах и на курортах, в течение зимы 1967–1968 гг. ее ввели во всех поселения Крыма. Проживание же без прописки считалось в СССР уголовно-наказуемым деянием (см.: Алексеева, 1992, с. 98–99). См. также Постановление СМ от 15.08.1978, от 24.12.1987 и др. В 1987 г. по этой причине даже общее сальдо миграции в Крыму было отрицательным (Червоная, 1997, с. 145).

⁶⁵ Алексеева, 1992, с. 98–99.

1968–1979 гг. в Крыму смогли прописаться около 15 тыс. крымских татар.⁶⁶ Следует подчеркнуть, что в основном это были наиболее активные участники крымско-татарского движения; зато активность оставшихся в Средней Азии была тем самым серьезно ослаблена, и среди них усилились просительные и даже пораженческие настроения.

Столкнувшись с эшелонированным заслоном властей и не сумев прописаться и устроиться в Крыму, десятки тысяч крымских татар предпочли поселиться вне Крыма, но хотя бы в непосредственной близости от него, в частности на западе Краснодарского края (Крымский район, районы Тамани и Новороссийска) или же Южной Украине (в Херсонской и Николаевской обл., в Новоалексеевке и Мелитополе и т. д.).

Кстати, попытки властей закрепить крымских татар в Средней Азии или Казахстане терпели фиаско: так, в 1974 году, когда первым секретарем обкома КПСС Джезказганской области был назначен крымский татарин С. Таиров, население никак не отреагировало на его призывы переселяться под его крыло. *«Ни один крымский татарин, — писал самиздатский крымско-татарский журнал «Эмель», — даже агент КГБ и провокатор движения, в душе не отказался от своих стремлений вернуться на родину»*⁶⁷.

Власть нанесла по крымским татарам еще один — несколько экстравагантный — удар: при проведении Всесоюзной переписи населения 1970 года их просто «не заметили», объединив с остальным татарским населением страны. Это побудило крымских татар провести в 1971 году альтернативную самоперепись, давшую результат в 833 тыс. чел.⁶⁸

В конце 1970-х гг. власти перешли в «контрнаступление»: 25 апреля 1978 года вступило в силу негласное указание Министра внутренних дел Узбекистана за № 221, запрещающее паспортным столам милиции выписывать из Узбекистана крымских татар, не имеющих справки с будущего места проживания о наличии у них там работы и жилья. Ни в какой другой союзной республике такого правила не было, да и в Узбекистане оно применялось только к крымским татарам.

В самом Крыму с октября 1978 года участились случаи выселения и даже выдворения крымских татар из Крыма (речь шла о десятках семей). Для придания этому видимости законности, СМ СССР принял 15 октября 1978 года постановление № 700 «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области»: для этого теперь не требовалось судебного решения, хватало и райисполкомовского!⁶⁹

Одно из таких выселений привело к самосожжению в июне 1978 года столяра Мусы Мамута из с. Беш-Терек (Донское) Симферопольского района. Но ни это, ни серия обращений и делегаций в областные и общесоюзные инстанции, предпринятые крымскими татарами в конце 1970-х гг., ни тем более обращение в ООН в 1979 году никакого видимого результата так и не принесли⁷⁰, если не считать признания их полноправными фигурантами Переписи населения СССР 1979 года.

⁶⁶ Алексеева, 1992, с. 100.

⁶⁷ Алексеева, 1992, с. 109.

⁶⁸ Алексеева, 1992, с. 103.

⁶⁹ Алексеева, 1992, с. 107–108.

⁷⁰ Алексеева, 1992, с. 106–109.

В 1987 году была создана Госкомиссия по проблемам крымско татарского народа (ее председателем был А. А. Громыко), но дальше мер по улучшению социально-бытовых условий жизни крымско-татарского народа и его культурного развития ее предложения не шли: оснований для образования хотя бы Крымской АО по-прежнему не просматривалось. Не внесла перелома в этот вопрос и упомянутая выше Декларация ВС от 14 ноября 1989 года.

Тем не менее все эти годы и при любых условиях крымские татары боролись за свои права с редкостным упорством, готовность переселиться на родину немедленно, практически на любых условиях, была почти единодушной, так что татарские погромы июня 1989 года в Ферганской долине не пробудили, а только усилили эту решимость⁷¹.

5–6 января 1990 года состоялся Пленум Крымского обкома КПСС, посвященный проблемам межнациональных отношений в Крыму. В нем впервые приняли участие также и представители крымских татар. А в мае 1990 года была принята концепция государственной программы возвращения крымских татар в Крым, в которой признавалось их право на возвращение в Крым — то есть, по существу, то, что и так, безо всякой концепции и вопреки сопротивлению государства, уже происходило в реальности (государство зато устанавливало сроки завершения этого переселения: сначала — 1996 год, позднее — 1998).

В 1997 году истек срок разработки «Государственной программы адаптации и интеграции в украинское общество депортированных крымских татар и граждан других национальностей, возрождения и развития их культуры и просвещения», и была принята «Программа первоочередных мер по расселению и обустройству депортированных крымских татар и лиц других национальностей, которые вернулись и проживают в Автономной республике Крым»⁷².

Видимо, в рамках этой концепции СОПС АН УССР разрабатывал «Предложения по рациональному расселению крымских татар и развитию социальной сферы Крымской области»⁷³. Согласно ее установкам, для примерно 60% ожидавшихся тогда крымских татар в качестве мест проживания были определены степные районы Крыма (до депортации в ней проживал всего 31% крымско-татарского населения); при этом утверждалось, что не только приморская, но и горная зона перенаселена, что не соответствовало действительности. Городское расселение крымских татар закладывалось даже на более низком уровне, чем это было даже до депортации, хотя за годы изгнания их собственная урбанизированность только повысилась.⁷⁴

⁷¹ Исключение составляли лица со смешанными браками.

⁷² См.: *Червоная*, 1997, с. 152–153, а также с. 156–157 и 181–182.

⁷³ В свое время (26.11.1990) пишущему эти строки приходилось давать на них заключение (в рамках экспертизы Госплана СССР).

⁷⁴ По данным социологического обследования, выполненного в 1989 г. Центром независимой экспертизы советско-американского фонда «Культурная инициатива» (руководитель — Э. И. Паин), среди вернувшихся в Крым татар горожане составляли 62,1%, хотели поселиться в городах — 53,5%, а смогли поселиться — только 26,6%, что, естественно, вызвало целый ряд проблем, с которыми столкнулись репатрианты, особенно крымско-татарская интеллигенция.

Первый заметный поток крымских татар (около 5 тыс. чел.) прибыл на полуостров в 1977–1979 гг. К весне 1987 года в Крым переселилось уже около 17,5 тыс. крымских татар, но к середине года их число удвоилось⁷⁵. В декабре 1987 года была разрешена прописка крымских татар в 18 из 24 районов области (в степной и предгорной зонах). По данным переписи 1989 года, в Крыму находилось уже 38,4 тыс. крымских татар. В течение 1989 года репатриировалось около 30 тыс. чел., а в течение 1990 года — около 40 тыс. чел. К концу 1991 года число вернувшихся крымских татар достигло 150 тыс. чел., из них только примерно половина имели статус граждан Украины⁷⁶. Однако в дальнейшем приток крымско-татарского населения на полуостров замедлился (1992 год — 25 тыс., 1993 — 17 тыс., 1994 — 11 и 1995 год — 9 тыс. чел), но среди прибывающих неуклонно росла доля городского населения.

На начало 1996 года общее число крымских татар в Крыму достигло 220,5 тыс. чел., а с учетом неписанных — около 240 тыс. чел. Это поставило их на третье (после русских и украинцев) место среди народов Крыма по численности; в отдельных селениях или даже районах доля крымско-татарского населения превысила четверть⁷⁷. В каждом административном районе или селении Крыма, где проживают татары, были созданы их органы самоуправления — меджлисы (нелегитимные с точки зрения конституции Украины⁷⁸). За эти годы крымские татары завоевали прочные позиции на сельскохозяйственном рынке полуострова, а по некоторым данным — и в теневой экономике. В то же время угрожающе высоким является уровень безработицы среди крымских татар. Большую опасность представляют и конфликты (нередко кровавые), время от времени возникающие у них как с властями, так и с остальным населением полуострова⁷⁹.

12 февраля 1991 года ВС Украины принял постановление о преобразовании Крымской области в Крымскую АССР в составе УССР, а 26 февраля 1992 года Крымская АССР была переименована в Республику Крым. При этом новосозданная республика официально никак не увязывалась ни с татарским, ни с преобладающим в ней русским населением Крыма (заметьте, что крымско-татарская община является противником пророссийского сепаратизма в Крыму).

После распада СССР процесс территориальной репатриации крымских татар, как, впрочем, и турок-месхетинцев (см. ниже), стал международной проблемой, затрагивающей целый ряд суверенных государств — прежде всего Узбекистан, Украину, Грузию и Россию. Россия довольно быстро самоустранилась от соучастия в их репатриации, хотя и является

⁷⁵ Червонная, 1997, с. 146.

⁷⁶ Червонная, 1997, с. 146. Тем не менее принципиальная неразрешенность вопроса о гражданстве для остальных еще долго являлась одним из камней преткновения в отношениях между крымско-татарской общиной и Украиной и привело к бойкоту крымско-татарским населением выборов в местные советы в 1995 г. (Червонная, 1997, с. 159).

⁷⁷ Червонная, 1997, с. 147–149.

⁷⁸ Власов С. Политические аспекты миграционных проблем в Украине // Материалы семинара «Украина — Россия: перспективы сотрудничества в области миграции и гражданства». М.: Московский Центр Карнеги, 30 сентября 1996. С. 6–8.

⁷⁹ Например, разгром 10.07.1992 и 1.10.1992 крымско-татарского палаточного поселка в с. Красный Рай близ Алушты (Червонная, 1994, с. 19).

правопреемницей СССР — государства, осуществившего депортацию крымских татар: уже в 1992 году ее финансовая помощь была минимизирована, а в 1993 году и вовсе прекращена. Узбекистан же, по свидетельству С. Червонной, счел за благо немного нажать на крымско татарской репатриации, установив на ее пути таможенные и другие рогадки. И даже те скромные средства, что выделялись на обустройство в Крыму легальных крымско-татарских репатриантов, часто расходовались бессистемно и не по назначению⁸⁰.

В России крымских татар сравнительно немного; те из них, кто поселился в Краснодарском крае, например, в последние годы активно стягиваются в Крым и как бы «кустают место» приехавшим в край туркам-месхетинцам, часто продавая им свои дома. В то же время значительная часть крымско татарского народа все еще проживает вне Крыма.

Реабилитация турок-месхетинцев

Процесс реабилитации **месхетинских турок**, долгие годы осваивавших в Средней Азии Голодную степь, идет, пожалуй, особенно малоуспешно. Пути их не-возвращения на родину, начатого в 1956 году, когда с них был снят режим спецпоселения, пролегли через Москву и Тбилиси. Начиная с конца 1956 года туда ездили десятки делегаций их народных представителей: в Москве им кивали на Тбилиси, а в Тбилиси — на Москву.

Еще в 1956 году месхов объявили... азербайджанцами и направили наконец-то на Кавказ, но не в Месхетию, а в Кабардино-Балкарию (откуда они распространились в Ставропольский и Краснодарский края) и в Азербайджан, где требовались рабочие руки для освоения безводной Мугабской степи. При этом если на Северном Кавказе культурное взаимообщение с местным населением было минимальным (ибо иначе как промежуточный этап пути на родину Северный Кавказ и самими турками-месхетинцами не воспринимался), то в Азербайджане, в окружении близкого себе этноса, всерьез начался процесс их укоренения⁸¹. Весьма значительная часть турок-месхетинцев и до сих пор не покинула Среднюю Азию, во-первых, в силу своего вполне устойчивого (а нередко и процветающего) экономического положения и, во-вторых, по причине непроясненности вопроса о репатриации в Грузию. Попытки же реализовать свое право на такую репатриацию неизменно встречали со стороны грузинских властей отпор и категорический отказ, мотивированный социально-экономическими и демографическими затруднениями.

В начале 1960-х гг. представители месхов из разных мест проживания объединились во «Временный организационный комитет возвращения на родину». Первое общенародное собрание месхов состоялось 15 февраля 1964 года в колхозе «Ленин юли» Ташкентской обл. Для передачи обращения месхов в Москве делегаты избрали председателем комитета учителя Энвера Одабашева и делегацию из 125 чел.⁸²

⁸⁰ Червонная, 1994, с. 17–18.

⁸¹ См.: Панеш, Ермолов, 1991.

⁸² См.: Алексеева, 1992, с. 111.

В мае 1968 года вышло ПВС, номинально уравнивающее месхов в правах с остальными народами СССР. И уже 24 июля 1968 года 7 тыс. месхов съехались в Тбилиси и собрались перед Домом Правительства, требуя приема. Через два дня их действительно принял тогдашний первый секретарь ЦК КП Грузии Мжаванадзе: на встрече он согласился принимать по 100 семей в год в разные районы Грузии, но слова своего не сдержал: первых репатриантов сначала принимали на работу и давали им жилье, но вскоре их стали увольнять и даже выдворять в Азербайджан.

19 апреля 1969 года в д. Саалты в Азербайджане был арестован Э. Одабашев, но вскоре, по требованию собравшейся перед райкомом толпы турок-месхетинцев, его отпустили. В августе 1969 года посланная в Москву 33-я делегация месхов в составе 120 чел. была принята в ЦК КПСС неким Моралевым: тот в очередной раз отказал делегации, но свой отказ облек в оскорбительную для делегатов форму. После того как все делегаты побросали в приемной свои паспорта и заявили о выходе из советского гражданства, они были задержаны и высланы из Москвы под конвоем.

В апреле 1970 года группа доведенных до отчаяния турок-месхетинцев обратилась в турецкое посольство в Москве с просьбой об эмиграции в Турцию. Эта инициатива была поддержана на 6-м народном собрании турок-месхетинцев, состоявшемся 2 мая 1970 года в Саалтинском районе Азербайджана. 15 марта 1971 года в посольство были переданы списки желающих эмигрировать месхов. Вместе с тем это раскололо движение, большинство в котором составляли сторонники борьбы за возвращение на родину.

В августе 1971 года был вновь арестован и осужден на 2 года лагерей Э. Одабашев, а спустя несколько месяцев аресту подверглись и оба его заместителя — М. Ниязов и И. Каримов⁸³.

Весной 1976 года представители месхов, относящих себя не к туркам, а к грузинам, ездили в Тбилиси, где в их честь был устроен обед на квартире председателя Инициативной группы защиты прав человека в Грузии. Вместо 1-го секретаря ЦК КП Грузии Э. Шеварнадзе их принял его помощник: никаких реальных последствий и этот визит не имел.

В качестве выхода из тупика турки-месхетинцы на своем 8-м съезде, состоявшемся 18 июня 1976 года в с. Ерокко в Кабардино-Балкарской АССР, выдвинули альтернативную программу поэтапного возвращения на родину, основанную на отказе от компенсации за потерю недвижимости и строительстве жилья силами своих молодежных бригад. Тогда, в качестве неофициального, но принципиального условия возвращения, грузинская сторона выдвинула признание турками-месхетинцами своего грузинского происхождения и соответствующей смены фамилий, что раскололо турок-месхетинцев на прогрузинских «конформистов», готовых, в силу безысходности, принять это условие, и протурецких, или «непримиримых», ни при каких условиях не согласных на такой шаг.

В количественном отношении «непримиримых» было гораздо больше, что отразилось и в решениях 9-го съезда турок-месхетинцев, состоявшемся 28 июля 1988 года в с. Псыход Кабардино-Балкарской АССР, осудившего позицию «прогрузинской» фрак-

⁸³ Алексеева, 1992, с. 112–113.

ции. Тем не менее первые семьи турок-месхетинцев стали прибывать в Грузию, причем, дабы избежать национальной концентрации, их направляли в самые различные районы Грузии.

Зримого статистического выражения этот первый, «мирный» поток не имел. Перепись 1989 года зафиксировала в СССР всего 207,5 тыс. турок-месхетинцев⁸⁴, из них в РСФСР — всего 9,9 тыс. Остальные проживали в Узбекистане (106,0 тыс. чел.), Казахстане (49,6 тыс. чел.), Киргизии (21,3 тыс. чел.) и Азербайджане (17,7 тыс. чел.).

А сегодня, к началу третьего тысячелетия, по оценке А. Осипова, их насчитывается уже порядка 290 тыс., причем страной сосредоточения большинства месхетинских турок стал Казахстан (от 80 до 100 тыс. чел.). Второй идет Россия (50–70 тыс.), далее следуют Азербайджан (40–60 тыс.), Киргизия (25–30 тыс.), и только на пятом месте — Узбекистан (15–20 тыс.), опережающий Украину (5–10 тыс. чел.) и Грузию. В РФ зонами их реального расселения являются Краснодарский край (13–16 тыс. чел.), Ростовская обл. (13–15 тыс.), КБ АССР (5,0–5,5 тыс.), Чеченская Республика, Белгородская и Волгоградская обл., Ставропольский край и Воронежская обл. (от 2,5 до 5,0 тыс. чел.)⁸⁵. Весьма примечательно, что и сегодня, где бы турки-месхетинцы ни жили, они по-прежнему придерживаются привычного им испокон веку сельского образа жизни.

Причиной столь резкой переориентации стали трагические события июня 1989 года. Массовые турецкие погромы в Ферганской долине вызвали тогда «вторую волну» их миграции из Средней Азии, численно охватившую более 90 тыс. чел. Кстати, только после этого при Совете Национальностей ВС СССР была создана Комиссия по проблемам турок-месхетинцев.

Власти СССР приняли тогда официальное решение о вывозе около 17 тыс. турок-месхетинцев (то есть практически всего турецкого населения, но одной лишь Ферганской долины) в ряд центральных областей европейской части РСФСР⁸⁶, вслед за ними снялись с мест и уехали еще около 70 тыс. чел. из других областей Узбекистана.

В Центральной России они оказались в условиях, к которым были мало приспособлены. Их приезд, как правило, вызывал негативную реакцию и у местных жителей, спрашивавших, а почему же нельзя отправить турок-месхетинцев в Грузию, на их родину?

В результате и сами турки-месхетинцы воспринимали это переселение как очередную принудительную миграцию и со временем значительная их часть (около $\frac{2}{5}$) самостоятельно переселилась в более южные регионы (Украина, Северный Кавказ, Казахстан).

Официальные же, от имени народа, обращения в ряд регионов Северного Кавказа, а также Казахстана и Киргизии с просьбой принять их встречали дружный отказ, за исключением Азербайджана и Чечено-Ингушетии. Именно Азербайджан и принял основной поток «второй» миграционной волны: для ее расселения были выделены земли в степи Джейран-Чой.

⁸⁴ По результатам переписи, проведенной инициативной группой, их насчитывается около 400 тыс. чел. (см.: Бройдо, Прохоров, 1994, с. 342).

⁸⁵ Осипов, 1998, с. 9.

⁸⁶ См. ПСМ № 503 от 26.06.1989 и Пост. СМ РСФСР № 220 от 13.07.1989.

Поначалу турок-месхетинцев принимали и в Краснодарском крае, примерно в тех же местах, где еще до них проживали крымские татары и греки (Крымский и Абинский районы на западе края и Апшеронский район и сельская местность вокруг г. Белореченска на юго-востоке). В местных администрациях их регистрировали в специальных списках, но, после того как 26 августа 1989 года краевой совет приостановил постоянную прописку граждан, прибывающих в край на жительство, и ввел ужесточенный миграционный режим (направленный не только против турок-месхетинцев, но и против армянских беженцев из Азербайджана), их статус стал весьма неопределенным и ненадежным.

Подавляющее большинство турок-месхетинцев (15–16 тыс. чел., из них 12–14 тыс. — вынужденные мигранты де-факто⁸⁷) живут в крае без прописки, хотя, нередко, и в собственных домах, купленных у возвращающихся в Крым греков и крымских татар⁸⁸. Несмотря на то, что в феврале 1992 года их правовое положение несколько улучшилось⁸⁹, оно по-прежнему остается дискриминационным, причем именно по этническому признаку. Так, и сейчас они не вправе оформить приобретение домовладений, устроиться на постоянную работу, получать пенсии и пособия. Их дети были не вправе поступать в российские вузы (детям, достигшим 16 лет, выдавали российские паспорта только в интервале с февраля 1995 года по апрель 1996 года). Мало того, дискриминационная практика краевых властей по отношению к месхетинцам, направленная на их выталкивание из края, нарастает. Так, постановление «О мерах по снижению напряженности в межнациональных отношениях в районах компактного расселения турок-месхетинцев, временно проживающих на территории Краснодарского края», принятое Законодательным собранием края 24 апреля 1996 года, предусматривает регулярную и платную (одна минимальная зарплата каждые три месяца) регистрационную процедуру для каждого взрослого месхетинца.⁹⁰

Погромы в Ферганской долине и все последовавшие за этим события сделали позицию турок-месхетинцев в вопросах репатриации более консолидированной и жесткой. Их 10-й съезд, состоявшийся в с. Адигюль Саатлинского района АзССР, потребовал безусловного возвращения в Грузию. Если этого не произойдет, то 70–80% турок-месхетинцев намерены эмигрировать в Турцию⁹¹.

Представляется, однако, маловероятным, чтобы в данном случае заработала «немечская модель» массовой репатриации, — уж слишком велика разница между Турцией и Германией, в том числе и в плане законодательного и экономического обеспечения

⁸⁷ Де-юре они ими, как правило, не признаются, поскольку номинально не являются российскими гражданами.

⁸⁸ *Осипов*, 1997, с. 257–259. Подробнее см.: *Осипов*, *Черепова*, 1996.

⁸⁹ По решению Малого Совета Краснодарского края № 97 от 12.02.1992, им выдаются на ограниченный срок справки о временном проживании, разрешены их временное трудоустройство без прописки и постановка автомобилей на временный учет (*Осипов*, *Черепова*, 1996, с. 5–6). До этого им отказывали даже в регистрации детей и браков, наличия прописки у одного из молодоженов было тоже недостаточно.

⁹⁰ См.: *Осипов* А. Месхетинские турки в Краснодарском крае // СЭМРПК. 1997, № 4, с. 19–21.

⁹¹ *Панеш*, *Ермолов*, 1991, с. 217.

массовой репатриации титульного населения. К тому же и положение турок-месхетинцев в азербайджанской среде все-таки далеко от положения тех же немцев в среде казахской. Поэтому более вероятной траекторией дальнейшего развития событий вокруг турок-месхетинцев — в свете радикализации дискриминационной политики властей Краснодарского края, — может стать их соби́рание и консолидация в Азербайджане и перспектива постепенной их ассимиляции и растворения в азербайджанском этносе.

Около 80 месхетинских семей уже поселились в разных местах Грузии. Но, несмотря на все усилия (в том числе и грузинских правозащитников) и даже два специальных постановления грузинского правительства, формально признающие право изгнанных на репатриацию, надежды на массовое возвращение месхов в Грузию остаются практически беспочвенными⁹².

Итак, начиная с 1950-х гг. все **три нереабилитированных** народа вели упорную, мирную, организованную, но в целом — в достижении главных задач — не оправдавшую себя борьбу. Правда, личное право селиться в родных местах немцы и татары в конце концов получили, а вот турки-месхетинцы до сих пор лишены и такой возможности и проживают дисперсно в ряде регионов Кавказа (Азербайджан, Кабардино-Балкария, Краснодарский край) и Средней Азии, где они были в изгнании. Крымские татары, уже сконцентрировавшиеся за последнее десятилетие в Крыму и создавшие там реально действующую систему внутриэтнической самоорганизации (меджлисы разных уровней), все еще далеки от достижения своих целей, но значительно ближе других. А вот по-прежнему пребывающие в рассеянии советские немцы единственную **альтернативу** Немецкой республике в Поволжье усматривают в **тотальной эмиграции в ФРГ**. В то же время, несмотря на имеющиеся прецеденты, **эмиграция в Турцию** не является серьезной альтернативой ни для крымских татар, ни для турков-месхетинцев.

Репрессированные народы и межэтнические конфликты на территории бывшего СССР в 1990-е гг.

Если отвлечься от того беззакония и насилия, с которыми были сопряжены депортация и переселение, то следовало бы взглянуть на них несколько шире и констатировать и то положительное, что репрессированные народы сумели из этого опыта извлечь.

Как точно заметила Ж. Зайончковская, люди, которых в 1940-х депортировали, и люди, которые в 1950-х возвращались, — это все-таки разные, во многом непохожие люди⁹³. На момент депортации те же кавказские народы в подавляющем своем боль-

⁹² См. в заметке Е. Ахалкаци: *Akhaltaksi E. From Georgia: on the Meschetians* // Nationalities Papers. Vol. 24. No 2. June 1996. P. 303–305.

⁹³ *Zayonchkovskaja Z. Die Gesellschaftssituation als Spannungsfaktor im Nordlichen Kaukasus* // Dahlmann, Hirschfeld, 1999. S. 583–588.

шинстве были бедными и малообразованными крестьянами⁹⁴. В тех крайне тяжелых условиях, в которых они оказались, выжить могли только самые дееспособные и инициативные. Вместе с тем их окружение в Средней Азии и Казахстане было еще более отсталым и в социальном плане менее мобильным, что давало депортированным народам довольно хорошие перспективы и прочные позиции в структуре занятых и возможность хорошо выучить своих детей. Если бы они задержались в местах ссылки еще на какое-то время, они несомненно стали бы местной элитой, как это и случилось с искусственно «задержанными» турками-месхетинцами и крымскими татарами. Но поскольку северокавказские народы возвращались гораздо раньше и стремительней, то их преимущество перед местным населением и их социальная «продвинутость» были все же не так очевидны.

Кроме того, часть северокавказских народов (как правило, члены смешанных семей, но и не только) осталась в Средней Азии, что привело к образованию своего рода «внутренних диаспор» в пределах СССР. Одновременно это несколько ослабляло демографический пресс на родине, поскольку каждая автономия Северного Кавказа так или иначе страдала и продолжает страдать от аграрного перенаселения, что только подливало масло в огонь вспыхнувших конфликтов.

Распад СССР в определенном смысле привел к распаду и многих «внутренних диаспор», к их дроблению между новыми государствами, к затруднению, а нередко и к обрыву внутриобщинных и даже семейных связей: появились, например, российские корейцы, узбекистанские корейцы, казахстанские корейцы и т. д. и между ними уже не формальные или прозрачные, а самые что ни на есть настоящие межгосударственные и таможенные барьеры. Вопреки тенденциям 1980-х гг., наметился процесс дальнейшего стягивания национальностей в их титульных национальных образованиях, что, напротив, усиливает там демографический пресс.

За последние 10–15 лет рост национализма на Кавказе, в Казахстане и в республиках Средней Азии, в особенности — в Узбекистане, не говоря о самой нестабильной из них — Таджикистане, уже не раз ставило общины депортированных народов перед сложным выбором: что же делать?

Вариантов же, в сущности, немного: 1) приспособиться, притерпеться и остаться, 2) уехать в ближнее зарубежье (прежде всего в Россию) или 3) эмигрировать в дальнее зарубежье, особенно если речь идет о представителях народов, имеющих «историческую родину», как немцы, греки, корейцы, финны, отчасти турки-месхетинцы.

Риски и сложности первого варианта более или менее понятны. За исключением разве что немцев, достаточно проблематичным на практике оказывается и третий вариант, поскольку в разных странах-метрополиях созданы неординарные условия для репатриации (тем не менее статистика подтверждает легкие эмиграционные тенденции в титульные страны и у других репрессированных народов).

Например, в Южной Корее (стране, страдающей от жестокого дефицита земли) к репатриации советских корейцев относятся прохладно и, наоборот, всячески поощряют

⁹⁴ О реальном уровне их элементарной грамотности в то время см.: *Земсков*, 1990а, с. 14, 15.

эмиграцию своих граждан. О репатриации, как пишет В. Тянь, задумываются, в основном, те корейцы, что проживают на Сахалине (в свое время туда их депортировали японцы), владеют корейским языком и имеют в Южной Корее родственников. Шансов на получение работы в Корее у них практически нет, так что едут главным образом пенсионеры, получающие места в домах для престарелых (их уже насчитывается несколько сотен чел.), и студенты, имеющие право на подработку. Так что наиболее приемлемым для среднеазиатских корейцев — с их культурно-языковой гибкостью, образованностью и преимущественно аграрной (овощеводческой) ориентацией — является переезд в Россию. Имеются неплохие предпосылки для участия корейцев в подъеме экономики таких регионов, как Центральное Нечерноземье и Дальний Восток. Такая миграция, однако, носит сегодня сугубо частный характер и самим российским государством не приветствуется и не поддерживается⁹⁵.

В годы перестройки и, в особенности, в период конкурентного сосуществования ВС СССР и РСФСР у репрессированных народов тем не менее возникало немало надежд и иллюзий. На Учредительном Съезде Конфедерации репрессированных народов, состоявшемся 24 ноября 1990 года в Москве, была принята Декларация о реабилитации и возрождении репрессированных народов⁹⁶.

Большинство из них создали и свои организации. Так, например, 3 октября 1988 года создан ленинградский «Союз ингерманландцев» («Инкерин Литтоо»), представляющий интересы 18 тыс. ингерманландцев, проживающих в городе и области. Он ведет борьбу за национально-культурное возрождение и пользуется поддержкой Финляндии и ее лютеранской церкви (получение виз, помощь в изучении языка, трудовое обучение, сезонная работа в Финляндии). В Москве действует аналогичное общество «Хеймо». Одним из результатов их деятельности стало принятие ВС РФ 29 июня 1993 года постановления о признании российских финнов репрессированным народом.

Иногда возникали организации, конкурирующие друг с другом за влияние или представляющие различные течения в народе. Так, созданное в 1990 году Международное общество месхетинских турок «Ватан» (*тур.* «Родина») со штаб-квартирой в Москве объединяет тех, кто стремится к безусловной и компактной репатриации в Ахалцихский район Грузии, а, скажем, общество «Хена» (*груз.* «Спасение») — тех, кто готов

⁹⁵ Тянь В. Корейцы надеются быть полезными России // Иностранец. 1994. № 23. 6 июля.

⁹⁶ В ней, в частности, содержались проекты дефиниций **репрессированного народа** и его **реабилитации**: «Репрессированным народом считается исторически сложившаяся общность людей, в отношении которой проводилась государственная политика насильственного переселения, клеветы и оскорблений человеческого достоинства, попрания его прав и законных интересов, разрушение политических и экономических структур национально-территориального устройства, стирание традиционной национальной культуры и языка. Согласно общепринятым международным нормам, это квалифицируется как геноцид.

...2. Реабилитация репрессированных народов означает возвращение национальных групп в места их традиционного проживания, восстановление их национально-государственных образований в прежних границах, проведение компенсационных мероприятий экономического и культурного характера».

признать себя «мусульманами-грузинами» и переселиться в различные районы Грузии. Есть еще и зарегистрированное в 1994 году общество «Умид» (*тур.* «Надежда»), объединяющее тех турок-месхетинцев, кто склоняется к идее эмиграции в Турцию⁹⁷.

Тем не менее сам по себе процесс реабилитации (и, в частности, территориальной реабилитации) репрессированных народов, как было показано, увы, еще не завершен. Принятые в последние годы государственные акты — Декларация ВС СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечения их прав» (от 14 ноября 1989 года), его же Постановление об отмене законодательных актов в связи с этой Декларацией (от 7 марта 1991 года) и Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (от 26 апреля 1991 года) — к сожалению, точки над «i» еще не поставили.

Перечень этнотерриториальных конфликтов и притязаний в быв. СССР коротким не назовешь: существует информация почти по 300 территориальным притязаниям⁹⁸, выдвигавшимся в течение 1988–1996 гг. официальным или неофициальным путем, из них по меньшей мере 140 сохраняют свою латентную актуальность⁹⁹, а около 20 вылились в вооруженные столкновения и 6 — в региональные войны. Подчеркнем лишь, что распад СССР отнюдь не породил эти конфликты, а лишь обнажил их, заострил и ускорил.

Роль депортированных народов в межнациональных конфликтах периода позднего СССР (горбачевской перестройки), может быть, и не была ключевой или решающей, но все-таки была весьма заметной. После распада СССР и формирования нового периметра российских границ эта роль, к сожалению, стала еще более значительной.

Так, до сих пор не восстановлена отдельная автономия карачаевцев, а ингушам не возвращена и существенная часть ранее принадлежавшей им территории. Не восстановлены до конца административно-территориальное деление и топонимика балкарцев, чеченцев-аккинцев, калмыков, а главное — до сих пор не восстановлены как таковые национальные автономии крымских татар и немцев Поволжья.

Некоторые из конфликтов уже обильно политы слезами и кровью. Она пролилась и на чужбине, куда несчастных забросила тираническая воля «отца народов»: ярчайший пример — резня и погром турок-месхетинцев в Ферганской долине в июне 1989 года. Но проливалась она и на родине: достаточно вспомнить ингушские манифестации в Грозном 16–19 января 1973 года с требованием вернуть Пригородный район¹⁰⁰ или, наоборот, кровавые столкновения между ингушами и казаками в станице Троицкой Сунженского района в апреле 1991 года, когда фактически имел место эффективный казацкий погром, заметно ускоривший их отъезд¹⁰¹.

⁹⁷ Осипов, Черепова, 1996, с. 15–18.

⁹⁸ Весьма многочисленны и классификации этнотерриториальных конфликтов и притязаний.

⁹⁹ Стрелецкий, 1997, с. 226–227.

¹⁰⁰ Митинги проходили вслед за передачей в декабре 1972 г. в ЦК КПСС коллективного письма «О судьбе ингушского народа» (см.: Цуциев, 1998, с. 80; Прокуменщиков, 1997).

¹⁰¹ Цуциев, 1998, с. 91.

Но, конечно, самым ярким примером является кровопролитный 8-дневный осетино-ингушский конфликт, разразившийся осенью 1992 года (с 30 октября по 6 ноября) и остановленный только с помощью российских войск¹⁰².

Внешне и типологически этот конфликт напоминал попытку классической **ирреденты** — то есть движения за воссоединение с исторической родиной смежных с нею территорий, некогда к ней относившихся и сейчас компактно заселенных соотечественниками¹⁰³.

Но исторические причины и факторы давнего осетино-ингушского противостояния, в 1992 году лишь достигшего своего кровавого апогея, лучше всего могут быть осмыслены в более широком общекавказском и общероссийском контекстах. Юридически конфликт явился следствием не только беззакония, созданного депортацией и неудовлетворительной реабилитацией ингушского народа, но и резких противоречий между Конституцией РФ и Законом РСФСР о реабилитации репрессированных народов от 26 апреля 1991 года.

Напомним: после ликвидации Ч.-И. АССР в 1944 году часть ее территории была передана в состав Северной Осетии, и в том числе Пригородный район, до этого заселенный преимущественно ингушами. Этот район был оставлен в составе Северной Осетии и после восстановления Ч.-И. АССР в 1957 году, причем стихийное вторичное заселение района ингушами началось все равно, причем со временем, в силу совершенно иного, чем у осетин¹⁰⁴, демографического поведения, ингуши численно почти сравнялись с осетинами, а в южной и северной частях Пригородного района и в пригородах столицы даже вырвались вперед.

Параллельно с возвращением ингушей шло и укоренение на той же земле осетин, уже сменивших к концу 70-х гг. старые и чужие ингушские жилища на новые и собственные дома, выстроенные практически каждой семьей. Уступка Пригородного района ингушам, и без того окружившим Владикавказ поселениями со своим преобладанием (Карцма, Редант, Терк, Дачный), означала бы, в глазах осетин, прямую угрозу их столице, а притязания ингушей и на правобережную часть Владикавказа с ее промышленностью и инфраструктурой — многократно усиливали эти опасения (третьим территориальным участком, на который простирались ингушские притязания, был Моздокский коридор).

Откровенная напряженность между двумя соседними народами стала нарастать задолго до событий 1992 года — начиная примерно с 1981 года, когда в Орджоникидзе произошли первые столкновения ингушских демонстрантов с войсками. Тогда власть еще была в состоянии проявить жесткость, но накануне распада СССР ситуация обострилась с новой силой. На 2-м и 3-м съездах ингушского народа, прошедших в сентябре 1989 и октябре 1991 гг. (то есть еще до образования Республики Ингушетия в июне 1992 года), уже раздавались громкие голоса в пользу силовой «территориальной реа-

¹⁰² О предыстории сложных и богатых конфликтами взаимоотношений двух соседних народов см.: *Цуциев, 1998*.

¹⁰³ См.: *Стрелецкий, 1997*, с. 234, 235.

¹⁰⁴ Среди крупных северо-кавказских народов осетины являются бесспорными лидерами и по урбанизированности (66% в 1989 г. — против 38% у ингушей).

билитации» ингушей, причем к началу 1992 года оружие было практически в каждой ингушской семье.

В свою очередь, осетинские экстремисты требовали изгнания ингушей из сел совместного проживания и из Владикавказа. Начиная с 1990 года начали формироваться и отряды осетинской самообороны, а летом 1991 года была создана Республиканская гвардия Северной Осетии.

Различные осетино-ингушские эксцессы, в том числе и с человеческими жертвами, участились в начале 1990-х гг. Детонатором же самого конфликта стали события 20–22 октября 1992 года: в с. Октябрьском бронетранспортером осетинской милиции была раздавлена 13-летняя девочка-ингушка, а в поселке Южном были убиты еще двое ингушей (в стычке с осетинской милицией). В ночь с 30 на 31 октября разразился открытый вооруженный конфликт. Поначалу перевес был на стороне ингушей, взявших под свой контроль практически все села совместного проживания в Пригородном районе. Но уже 31 октября в конфликт — на осетинской стороне — вмешалась российская армия, причем «из нафталина» были вытаснены слова об осетинах как «верных сынах России» (читай: ингуши — предатели, почему их и выселили в свое время)¹⁰⁵.

Как ингушское наступление, так и осетинское контр наступление велось по самым варварским «законам» этнической войны — с захватом заложников, убийствами, изнасилованиями, грабежами и разрушением домов. Указ Ельцина о введении на всей территории Северной Осетии и Ингушетии чрезвычайного положения был издан только 2 ноября¹⁰⁶, и лишь 6 ноября последние очаги боевых действий в районе конфликта были подавлены. Указ вводил Временную администрацию, первым главой которого был вице-премьер Г. Хижа. Новым указом Ельцина от 12 ноября компетенция Временной администрации географически была ограничена узкой буферной полосой вдоль границы Северной Осетии и Ингушетии¹⁰⁷.

Трагический итог осетино-ингушского конфликта: 600 убитых (из них 171 осетин и 419 ингушей), 315 пропавших без вести, тысячи раненых, 57 тыс. беженцев (из них 7 тыс. осетин и 50 тыс. ингушей¹⁰⁸), 4 тыс. разрушенных домов¹⁰⁹. По другим официальным данным, погибло 546 чел., из них 407 ингушей и 105 осетин¹¹⁰, по третьим —

¹⁰⁵ Как справедливо заметил А. Г. Здравомыслов, ключевые слова конфликта — «агрессия» и «зачищение», трансформировавшиеся впоследствии в «этническую чистку» и «геноцид», произнес российский генерал Г. Филатов, выступивший по Северо-Осетинскому телевидению (*Здравомыслов*, 1997, с. 91).

¹⁰⁶ Официальный срок его действия — до 4.02.1995 — несколько раз продлевался парламентом.

¹⁰⁷ *Здравомыслов*, 1998, с. 71–73.

¹⁰⁸ По числу беженцев есть еще и другие данные, колеблющиеся между 37,5 тыс. и 40,3 тыс., из них 31 тыс. прописанных (*Дзадзиев А., Дзугаев Л.* Беженцы и вынужденные переселенцы в Северной Осетии // СЭМРПК. 1997, № 4, с. 16). При этом ингушское население Моздокского района и с. Майское Пригородного района, а также часть ингушей с. Чермен Пригородного района и п. Карцма Владикавказского горсовета и после 31.10.1992 не покидали своих поселений.

¹⁰⁹ *Здравомыслов*, 1997, с. 91.

¹¹⁰ *Цуциев*, 1998, с. 5, со ссылкой на: Вестник временной администрации в зоне чрезвычайного положения на части территории Республики Ингушетия и Республики Северная Осетия. — 1993, 7 мая. № 37. С. 1.

262 погибших, в том числе 12 российских военнослужащих, 120 ингушей и 130 осетин¹¹¹, а по четвертым — потери составили около 1000 чел.¹¹² До основания разрушено 11 ингушских поселков. Материальный ущерб в зоне конфликта составил, по данным Министерства по делам национальностей РФ, около 20 млн. долларов¹¹³.

Только в январе 1993 года обе стороны приступили к переговорам («круглый стол» в Кисловодске), а 18–21 марта 1993 года там же состоялась встреча президента Северной Осетии А. Галазова и избранного накануне президента Ингушетии Р. Аушева, завершившаяся подписанием «Соглашения о мерах по комплексному решению проблемы беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Ингушской республики и Северо-Осетинской ССР». В частности, было принято решение о возвращении в Пригородный район тех граждан двух республик, кто был прописан там до начала конфликта и не был причастен к совершению преступлений.

В декабре 1993 года в ходе предвыборной кампании Ельцин посетил Северный Кавказ и встретился в Нальчике с руководителями всех северокавказских республик. Советование рекомендовало основать новую столицу Ингушетии город Магас и осуществить возвращение ингушских беженцев в четыре из сел Пригородного района (Чермен, Донгарон, Дачное и Куртат). 13 декабря 1993 года вышел соответствующий Указ Президента РФ о возвращении ингушских беженцев. В 1994 году встречи Галазова и Аушева были продолжены, а 24 июня 1994 года были подписаны Бесланские соглашения о порядке этого возвращения. С началом боевых действий российской армии в Чечне в конце 1994 года была связана отмена чрезвычайного положения в зоне осетино-ингушского конфликта, после чего ингушская сторона денонсировала Кисловодские и Бесланские соглашения как ограничивающие права граждан.

11 июля 1995 года Галазов и Аушев вновь встретились, на сей раз во Владикавказе и без посредников, где подписали соглашение, одним из пунктов которого был отказ от территориальных претензий друг к другу (дезавуированный Аушевым буквально на следующий день).

Между тем кровавым инцидентам в зоне конфликта не было видно конца — от убийства 1 августа 1993 года главы Временной администрации В. П. Поляничко и до гранатометного обстрела 17 июля 1997 года в Пригородном районе автобуса с ингушскими беженцами; за этим последовали два теракта против осетинских милиционеров (29 июля) и нападение около 1000 вооруженных осетин на лагерь ингушских беженцев в с. Тарское (избивали всех без разбора, сожгли 83 вагончика, полностью разграбили лагерь и взяли семь заложников; лагерь пришлось эвакуировать на территорию Ингушетии).

После этого основной конфликт едва не разгорелся с новой силой, а ингушская сторона предлагала ввести в зоне конфликта прямое президентское правление. Против

¹¹¹ Официальные данные Госкомитета по чрезвычайным ситуациям РФ (см.: Аксенов С., Гаврилов С. Аушев и Галазов договорились уважать друг друга // Коммерсант-Daily. 1997. 5 сентября. С. 2).

¹¹² *Мукомель*, 1997, с. 301–303, со ссылкой на оценки Поспредства Сев. Осетии (546 погибших и 261 пропавших без вести — в 1993 г.) и Human Wright Watch.

¹¹³ *Мукомель*, 1997, с. 308.

этого возражала Осетия, в очередной раз потребовавшая снять раз и навсегда вопрос о территориальных претензиях (в Конституции Ингушетии Пригородный район рассматривается как ее неотъемлемая часть). Федеральный же центр, выполнявший на переговорах роль посредника, фактически солидаризировался с позицией Осетии¹¹⁴.

В итоге осетино-ингушский конфликт вновь оказался на пороге необъявленной войны. На встречах Аушева и Галазова с Черномырдиным и Ельциным, состоявшихся 4, 7 и 9 августа, Москва требовала заключения моратория на вооруженные действия на 10–15 лет. «Договор об урегулировании отношений и сотрудничестве между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия», подписанный в Москве 4 сентября 1997 года, носил скорее декларативный характер. 15 октября 1997 года Аушев, Галазов и Черномырдин подписали программу совместных действий органов государственной власти России и обеих конфликтующих республик по преодолению последствий конфликта, но и она не содержала в себе никакого прорыва.

Идея моратория для ингушской стороны была приемлема только как этап на пути к возвращению отторгнутых в 1944 году земель. В принятом 27 сентября 1997 года Съездом ингушского народа «Обращении к осетинскому народу» говорится о совместной, добрососедской и многонациональной, жизни в Пригородном районе, но под ингушской юрисдикцией¹¹⁵.

Как бы то ни было, но процесс нового возвращения ингушских беженцев в Пригородный район начался: к концу 1995 года вернулось более пяти тысяч, а к середине 1997 года — около 11 тыс. чел.¹¹⁶ По мнению А. Г. Здравомыслова, разрешение осетино-ингушского конфликта возможно только на путях компромисса, например в форме совместного управления Пригородным районом.

Тем не менее рецидивы этнических депортаций и этнических войн — а и то, и другое было представлено в ходе осетино-ингушского конфликта — необычайно опасны и сами по себе. Как это ни прискорбно, но распространение и развитие этнотерриториальных конфликтов на территории быв. СССР вновь привело к идее их применения в качестве средства «разрешения» конфликтов. Призывы к таким депортациям постоянно срываются с уст радикальных националистов, в том числе представителей тех регионов, откуда в свое время депортировали их предков (например, на Западной Украине).

Но есть и «практический опыт». Причем не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье и Средней Азии. Так, за годы карабахского конфликта из Армении и Карабаха было изгнано 160 тыс. азербайджанцев, а из Азербайджана — 250 тыс. армян. Число грузинских беженцев из района грузинско-абхазского конфликта составляет 200–230 тыс. чел. Памирские таджики, в свое время принудительно переселенные в долины, ныне вновь вынуждены возвращаться в Бадахшан.

¹¹⁴ Жуков М., Аксенов С. Москва попросила Аушева и Галазова помириться // Коммерсант-Daily. 1997. 22 июля. С. 3.

¹¹⁵ Дзадзиев А. Съезд народов Ингушетии // СЭМРПК. 1997, № 4, с. 24–25.

¹¹⁶ См.: Здравомыслов, 1998, с. 8, 92–93.

Опасны и рецидивы любой дискриминации по этническому признаку, в том числе по отношению к представителям некогда репрессированных народов. Примером такого рода дискриминации является одна из мобилизационных директив Генштаба, предписывающая принимать в армию запасников из числа «восстановленных в правах граждан» (как они в этой директиве именуются!) только в индивидуальном порядке и по согласованию с местными органами безопасности России, советские предшественники которых в свое время, напомним, планировали и осуществляли депортацию. Но и безо всякого индивидуального порядка и согласования «указанным контингентам» дорога в режимные (разведывательные, летные, радиотехнические и танковые) части была заказана.¹¹⁷

¹¹⁷ Директива Генштаба № 315/ 1/00350 от 16.12.1993 (цит. по: *Алиева С.* Репрессированные народы все еще ждут. Концепции национальной политики в России пока не существует // *Независимая газета.* 1995. 21 мая. С. 3).

РАЗДЕЛ II

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ